Безплатное приложеніе къ журналу „Сѣверъ“ 1895 г.



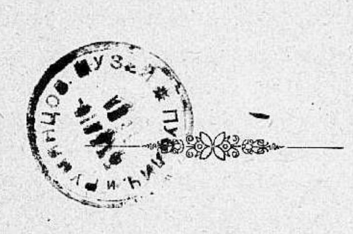
С.-Петербургъ. Изданіе Н. Ѳ. Мертца.

ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА.

СОЧИНЕНІЕ

Сильвіо Пеллико.





С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца.
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 ноября, 1895 г.

Типографія Е. А. Евдокимова, Троицкая ул, д. 18.

Біографія Сильвіо Пеллико.

Сильвіо Пеллико родился около 1789 г. въ городѣ Салуццо, въ Пьемонтѣ. Родители его Окорато Пеллико, уроженецъ того же города, и Марія Турнье, родомъ изъ Шамбери. У нихъ было всего три сына и три дочери: старшіе—Луиджи и Джузеппина, средніе—Сильвіо и Розина (близницы), младшіе—Франческо и Маріетта. Мать ихъ прекрасная Савоярка, была нѣжной кормилицей и первой наставницей своихъ дѣтей не только въ знаніяхъ, но и въ добрыхъ правилахъ и лучшихъ примѣрахъ. Эти уроки начались рано. Окорато Пеллико слылъ королевскимъ приверженцемъ, и, среди смятеній, неизбѣжныхъ при большихъ общественныхъ переворотахъ, подвергся преслѣдованію. Спасаясь въ горахъ съ беременной супругой и малолѣтними дѣтьми, онъ тогда уже имѣлъ случай дать Сильвіо первые жестокіе уроки злополучія и твердости, съ какой великодушный человѣкъ долженъ переносить удары судьбы. При внезапномъ поворотѣ счастія, когда королевская партія снова усилилась, домъ Окорато признанъ былъ надежнымъ убѣжищемъ, и изгнанники противной партіи, полагаясь на великодушіе этого гражданина, искали у него спасенія. Непорочность нравовъ, гостепріимство, постоянная любовь къ ближнему—вотъ добродѣтели наиболѣе отличавшія домъ, въ которомъ родился Сильвіо. Отсюда началась та пламенная любовь, которую онъ всегда

питалъ къ своимъ родителямъ, почитая ихъ лучшими изъ людей.

Слабый тѣлосложеніемъ и подверженный частымъ болѣзнямъ въ младенчествѣ, Сильвіо, можно сказать, колебался между жизнью и смертію. Медики, предсказывая ему смерть на седьмомъ году, и видя, что онъ остался въ живыхъ, рѣшили, что онъ, хотя и пережилъ первые семь лѣтъ, но не переживетъ другихъ семи. По прошествіи же этого срока, объявили роковымъ опять-таки третье семилѣтіе. Но всѣ пророчества медиковъ не сбылись.

Въ первую болѣзнь нѣжная мать спасла Сильвіо собственнымъ молокомъ. Поистинѣ можно сказать, что эта достойная женщина нѣсколько разъ дала жизнь своему любимому сыну. Въ другіе два періода болѣзни природа явилась столь же нѣжной матерью.

Въ промежуткѣ этихъ болѣзней Сильвіо, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Луиджи, бралъ первоначальные уроки у одного священника, по имени Донъ-Мановелла, который и послѣ того уже, когда они стали посѣщать публичныя школы, приготовлялъ ихъ къ экзаменамъ, при переходѣ изъ однаго класса въ другой. Въ составъ ихъ ученія входило, между прочимъ, заучиванье наизусть маленькихъ комедій или отдѣльныхъ сценъ, которыя потомъ пересказывали они въ присутствіи своихъ знакомыхъ. Отсюда родилась у обоихъ дѣтей склонность къ драматическому искусству.

Прекрасная Розина, родившаяся въ одно время съ Сильвіо, была засватана двоюроднымъ братомъ его матери, жившимъ въ Ліонѣ. Сильвіо, не желая разстаться съ любимой сестрой, сопутствовалъ ей и пробылъ въ Ліонѣ четыре года. Разсудокъ его былъ какъ-бы погруженъ въ летаргическій сонъ, когда (въ 1806 г.) «Гробницы» (Sepolcri) Уго Фосколо появились въ Миланѣ. Луиджи Пеллико тогда-же одинъ экземпляръ этой поэмы послалъ своему брату. Она, подобно трубному гласу, исторгла юношу изъ постыднаго

усыпленія. Читая ее, Сильвіо, сдѣлавшійся было совершеннымъ французомъ по мыслямъ, привычкамъ и языку, снова сознаiлъ себя итальянцемъ и поэтомъ. Съ этой минуты занятія его приняли другое направленіе.

Семейство Пеллико проживало тогда въ Миланѣ, гдѣ отецъ его находился въ качествѣ начальника отдѣленія по военному Министерству, а братъ секретаремъ у оберъ-шталмейстера маркизы Капрары. Сильвіо возвратился къ роднымъ въ 1810 г.

Миланъ, подъ владычествомъ Наполеона, можно было по справедливости назвать итальянскими Аѳинами, и двое отличныхъ писателей, Винченцо Монти и Уго Фосколо, оспаривали тогда тамъ другъ у друга пальму литературнаго первенства. Вѣчно враждуя между собой, они оказывали Сильвіо одинаковое доброжелательство, но нѣжная душа его привязалась болѣе къ автору «писемъ Ортиса». Въ это время, подъ вліяніемъ игры на маленькомъ театрѣ Шарлоты Маркіони, онъ написалъ двѣ трагедіи: «Леодикея» и «Паола и Франческа».

Нѣсколько лѣтъ спустя «Маркіони» пріобрѣла уже блистательную извѣстность въ разныхъ городахъ Италіи и появилась снова въ Миланѣ на Королевскомъ театрѣ.

Здѣсь Пеллико познакомился съ нею, и «Фрациска», остававшаяся, до тѣхъ поръ въ забвеніи, снова была возобновлена на сезонъ. Потомъ ее повторили въ Неаполѣ, Флоренціи и на всѣхъ театрахъ Италіи, съ постепенно возрастающимъ успѣхомъ.

Изъ Милана Пеллико ѣздилъ съ братомъ въ Мантюа и посѣтилъ въ Мантуанской крѣпости своего друга, доктора Разори, заключеннаго австрійскимъ правительствомъ вмѣстѣ съ другими политическими преступниками. Кто бы сказалъ Сильвіо въ то время, когда онъ, растроганный, обнималъ почтеннаго друга и говорилъ объ его семействѣ, кто-бы сказалъ ему, что нѣкогда онъ самъ будетъ заточенъ, и еще въ

болѣе ужасную темницу, и по той же самой причинѣ; только никому изъ прежнихъ друзей его не будутъ позволять проникнуть въ его желѣзную могилу, которая должна была погрести его заживо; никому не позволятъ побесѣдовать съ нимъ о родныхъ его, смѣшать свои слезы съ его слезами и сказать утѣшительно слово, которое бы пролило отраду въ душу страдальца.

Возвратясь въ Миланъ, Пелликo продолжалъ жить въ домѣ Порро, въ этомъ храмѣ гостепріимства и изящнаго вкуса, который посѣщали знаменитѣйшіе итальянскіе художники, литераторы, ученые и замѣчательные путешественники. Тутъ онъ узналъ г-жу Сталь, Гобюуса, Байрона, Девиса, Брума, Торвальдсена и многихъ другихъ. Пеллико перевелъ прозой Байронова Манфреда, а Байронъ взялъ у него рукопись «Франчески», уже извѣстной на сценѣ, но еще не напечатанной, и, черезъ два дня послѣ того, возвращая ее автору, сказалъ: «Не прогнѣвайтесь, что я перевелъ ее (переводъ былъ въ стихахъ); и вамъ бы точно также слѣдовало перевести Манфреда стихами.

Въ 1820 году Сильвіо окончилъ новую трегедію: «*Enfemio du Messina*», изданіе которой встрѣтило большія препятствія со стороны цензуры.

Въ это время молодой трагикъ помогалъ другому обширнѣйшему предпріятію, которое было ограничено въ своемъ планѣ и во время своего существованія не произвело того дѣйствія, котораго можно было-бы ожидать. Мы разумѣемъ журналъ, издававшійся подъ именемъ «Посредника» (Il. Conciliatore). Цѣлью этого журнала было дать умамъ новое литературное направленіе.

Знаменитые писатели и ученые споспѣшествовали этому предпріятію. Джоя, Романьоле, Ресси, Пеккьо, Графъ, Аррибабене, Маркизъ Г. Висконти доставляли статьи по части политическихъ наукъ и законовѣдѣнія; астономы: Плано, Карпини, Музотти—по части наукъ точныхъ; Разори, по части медицины; Сильвіо Пеллико, А. Манзони, Скальвини, П. Борсіери, Баронъ К. Угони, маркизъ Лудовико Бреме и другіе—по части словесныхъ наукъ.

Изданіе продолжалось до 1820 г. когда издатели Посредника, день-ото-дня все болѣе стѣсняемые взыскательностью цензуры, и не имѣя матеріаловъ для пополненія журнала, увидѣли себя въ необходимости прекратить изданіе. Это случилось за нѣсколько мѣсяцевъ до революціи, которая вспыхнула въ Неаполѣ и взволновала Ломбардію. Въ началѣ сентября того-же года Пеллико предпринялъ поѣздку изъ Павіи въ Венецію.

Въ это время Австрія издавала прокламаціи противъ тайныхъ обществъ. Ночные сыщики явились въ Миланѣ, и въ число арестованныхъ попалъ Пьеро Марончелли, задушевный другъ Сильвіо Пеллико.

Возвратясь изъ Венеціи, Пеллико спѣшитъ въ домъ Марончелли и узнаетъ, что Марончелли арестованъ. Пеллико отправляется въ деревню Бальбіанино, на озеро Камо по какимъ-то дѣламъ графа Порро, но только является въ Миланъ, какъ вдругъ кто-то подходитъ къ нему и говоритъ на ухо:—«Полиція васъ ищетъ!» «Ей извѣстно, гдѣ я живу; иду дожидаться ея»: отвѣчалъ Сильвіо. Но его уже ожидали. Дѣятельные сыщики отобрали у него всѣ бумаги, книги письма; потомъ съ необыкновенной вѣжливостью пригласили слѣдовать за ними въ тюремный замокъ. св. Маргариты. *)

Тутъ продержали его четыре мѣсяца; потомъ перевели въ Венецію, гдѣ находилась комиссія, долженствовавшая произвести слѣдствіе надъ нимъ и надъ другими политическими преступниками. Вскорѣ душа поэта «примиряясь съ своимъ положеніемъ, стала искать убѣжища отъ тюремныхъ заботъ въ безмятежномъ святилищѣ искусства.

Трагедіи «Ester d'Engaddi» и «Jginia d'Asti» и «Кани-

*) Замокъ св. Маргариты находится въ центрѣ Милана.

зики» Tancreda, Rositde, Dalafrido и Adello, не считая многихъ другихъ, не доконченныхъ. Изъ Венеціи Пеллико былъ переведенъ (11 января 1822 г.) въ замокъ св. Михаила на островѣ Мурано (въ окрестности Венеціи), гдѣ узналъ наконецъ объ участи своихъ товарищей, и вскорѣ потомъ о судьбѣ, которая готовилась и ему самому въ Шпильбергѣ.

21 февраля того-же года, въ присутствіи комиссіи, прочитанъ былъ приговоръ, осуждавшій Пеллико какъ Карбонаро **) на смертную казнь, и непосредственно за тѣмъ прочитанъ былъ также и рескриптъ, которымъ казнь замѣнялась 15-ти лѣтнимъ тяжкимъ заключеніемъ въ крѣпости Шпильбергѣ, близъ Брюнна (въ Моравіи). Послѣ этого ему позволено было стать вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Моранчелли, съ которымъ, на другой день, онъ и долженъ былъ выслушать приговоръ публично, стоя па эшафотѣ. Черезъ мѣсяцъ комиссаръ объявилъ имъ, что дни заключенія будутъ считаться не въ 24 часа, а въ 12, давая этимъ знать, что наказаніе вполовину уменьшается.

10 апрѣля (1822 г.) осужденные прибыли къ мѣсту своего назначенія и въ тотъ-же день были заперты въ разныхъ камерахъ. Тутъ одѣли имъ арестантское платье и заковали ноги, и отсюда начинаются дни лишеній и страданій какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ. Въ началѣ 1825 года Сильвіо, котораго здоровье становилось день-ото-дня хуже, вдругъ почувствовалъ себя такъ худо, что потребовалъ духовника; но къ концу второй недѣли послѣдовалъ переломъ, и опасность миновала. Въ то же время страдалецъ былъ обрадованъ товариществомъ Марончелли, томившагося до тѣхъ поръ въ особомъ подземельѣ. — «Характеръ Марончелли», говоритъ Пеллико въ своихъ запискахъ, «былъ такой же, что и мой. Мужество одного поддерживалось мужествомъ другого.

*) Карбонари (Угольщики),—названіе одного тайнаго политическаге общества въ Италіи, имѣвшаго многочисленныхъ сообщниковъ во всѣхъ сословіяхъ, а, особенно, въ военномъ и духовномъ.

Если одинъ предавался грусти или порывамъ негодованія на жестокость нашего положенія, то другой уничтожилъ его какой-нибудь шуткой или простыми разсужденіями. Сладкая улыбка почти всегда обличала наши страданія».

«Пока у насъ были книги, хотя уже сто разъ читанныя, мы находили въ нихъ пищу для ума, потому что онѣ давали поводъ къ новымъ разборамъ, сравненіямъ, сужденіямъ, повѣркамъ и проч. Большую часть дня мы проводили въ чтеніи или въ безмолвномъ размышленіи, посвящая бесѣдѣ время обѣда, прогулки и весь вечеръ.

Марончелли, въ своемъ подземельи, сочинилъ множество прекрасныхъ стиховъ. Онъ пересказалъ мнѣ ихъ наизусть *) и сочинялъ новые. Я также сочинялъ и перезсказывалъ ему, изощряя такимъ образомъ свою память. Мы пріобрѣли удивительную способность сочинять стихами длинныя пьесы на память, исправлять ихъ тысячу разъ и доводить до такой отдѣлки, какую онѣ приняли бы и на бумагѣ. Марончелли сочинилъ такимъ образомъ, мало-по-малу и удержалъ въ памяти нѣсколько тысячъ стиховъ лирическаго и эпическаго содержанія. Я сочинилъ трагедію «Leoniero da Dertona» и разныя другія пьесы.

«Съ умноженіемъ строгостей», продолжаетъ Пеллико, «жизнь наша становилась день-ото-дня однообразнѣе. Какъ протекъ для насъ весь 1824, 25, 26 и 27 годъ? — У насъ отняли книги, на временное употребленіе которыхъ мы имѣли разрѣшеніе отъ губернатора. Темница сдѣлалась для насъ настоящей могилой, въ которой намъ не давали только могильнаго спокойствія. Въ урочный день каждаго мѣсяца директоръ полиціи, въ сопровожденіи одного офицера и нѣсколькихъ солдатъ, проходили дѣлать въ ней тщательный обыскъ. Насъ раздѣвали до гола, разсматривали всѣ швы на платьѣ, чтобъ удостовѣриться, не скрыто-ли въ нихъ какой-нибудь

* Узники никакъ не могли допроситься бумаги и чернилъ.

бумаги или чего другого, распарывали наши соломенники и обшаривали ихъ внутри. Хотя и нельзя было найти у насъ ничего запрещеннаго, но въ этомъ внезапномъ и непріязненномъ посѣщеніи, повторяемомъ до безконечности, было нѣчто такое, что раздражало меня и всегда бросало въ лихорадку». (Гл. LXXX).

Въ концѣ 1826 г. были освобождены двое изъ тюремныхъ товарищей Пеллико, и это дало поводъ нашимъ узникамъ думать на счетъ близкаго конца и ихъ неволи».

«Въ исходѣ 1827 г., «пишетъ Сильвіо», мы надѣялись, что декабрь мѣсяцъ, вѣроятно, назначенъ срокомъ возвращенія намъ милостей. Но декабрь прошелъ, — и ничего не случилось».

Мы продолжали ждать до лѣтней поры 1828 года, когда оканчивались для меня семь съ половиною лѣтъ наказанія, равнявшихся, по словамъ Императора, пятнадцати, если только считать ихъ со дня моего ареста, и это предположеніе было самое правдоподобное; но всевозможные сроки прошли, а милость не явилась (Гл. LXXXVI)

Наконецъ, уже 1 марта 1830 (спустя 10 лѣтъ послѣ того, какъ Пеллико лишился свободы, и $8^1/_2$, какъ находился въ тяжкомъ заключеніи, объявлено ему и Марончелли о помилованіи. Но не прежде, какъ 17 сентября (день прибытія его въ Туринъ) Сильвіо могъ радостно обнять всѣхъ, ему милыхъ и близкихъ.

Съ признательностью упоминаетъ Пеллико о тѣхъ добрыхъ людяхъ, которые старались, по возможности, облегчить его ужасное положеніе. Первое мѣсто между ними занимаетъ кто бы могъ подумать?—тюремщикъ его, Шиллеръ; за нимъ помощники (Jecondini) его—Карлъ и Кунда. О генералъ-губернаторѣ Моравіи и о семействѣ главнаго инспектора на Шпильбергѣ упоминаетъ онъ съ тѣмъ же чувствомъ.—Какъ трогательно нѣжное человѣколюбіе, оказываемое узникамъ тюремными стражами! —О, люди не такъ еще испорчены, не

такъ злы, какъ многимъ кажется! У всякаго народа и во всякомъ состояніи найдутся души, послушныя высокому призванію человѣка — оказывать ближнему своему любовь, сострадание и помощь. Духовенство явило также убѣдительныя доказательства этой истины. Всѣ чиновники тюремнаго замка. всѣ инспекторы и начальствующія лица пребывали строгими исполнителями своихъ обязанностей; но никто изъ нихъ не позволялъ себѣ произвольнаго притѣсненія или оскорбительной насмѣшки. Въ нихъ замѣтно было, напротивъ того, постоянно живое участіе въ судьбѣ узниковъ. Директоръ полиціи, инспекторъ спѣшатъ увѣдомить ихъ о помиловании, не упуская ни одной минуты для сообщенія имъ этой радостной вѣсти. Комиссаръ, провожавшій обоихъ друзей на обратномъ пути въ Италію, былъ человѣкъ отлично образованный и благородный, нисколько не похожій на тайнаго лазутчика. Въ подчиненномъ ему, Штупдбергерѣ, Сильвіо встрѣтилъ добраго, радушнаго нѣмца. Обо всѣхъ этихъ лицахъ Пеллико сохранилъ горестно-нѣжное воспоминаніе. Это приноситъ ему столько же чести, сколько и имъ.

Возвращенный свѣту, пѣвецъ Франчески поселился въ Туринѣ, живя уединенно среди своего семейства. Въ этомъ уединеніи онъ приготовилъ къ изданію журналъ своихъ десятилѣтнихъ страданій, извѣстный подъ заглавіемъ: «Le mie Prigioui», (Мои темницы) и обдуманное имъ еще подъ сводами Венеціанскихъ Пьомбъ сочиненіе «Dei Doocri degli Uomini» (о должностяхъ человѣка) составляющее какъ бы перечень жизни страдальца. Въ эти же пять лѣтъ изданы имъ разновременно трагедіи: Jismonda da Mendrisio, Erodiade et Tommaso Moro.

Въ «Джизмондѣ», подобно какъ въ «Леонеро», Пеллико, изображая ужасы гражданскихъ междоусобій въ XII вѣкѣ, имѣлъ цѣлью доказать, какъ нужно для общества, чтобы добрые граждане оказывали другъ другу взаимное снисхожденіе, примирялись бы между собой чистосердечно, и какъ

соблюденіе этихъ условій можетъ быть спасительно въ тяжкихъ испытаніяхъ. Въ послѣднихъ двухъ трагедіяхъ авторъ старался представить съ одной стороны — нравственную красоту въ характерѣ человѣка, безстрашно высказывающаго истину не по внушенію духа ненависти и высокомѣрія, но по духу благочестія, а съ другой — жалкую участь людей, сдѣлавшихся неспособными къ благороднымъ пожертвованіямъ. Вникая въ духъ всѣхъ вообще сочиненій Пеллико, нельзя не замѣтить въ нихъ частаго проявленія трехъ исключительныхъ чувствъ: любви семейственной, любви къ родинѣ и любви къ человѣчеству. Эти чувства дышатъ увлеченіемъ и въ нихъ-то собственно и заключается отличительный, своеобразный характеръ пьемонтскаго поэта и его будущая слава.

Послѣднее сочиненіе Пеллико, сколько намъ извѣстно, это небольшая поэма или повѣсть въ стихахъ, подъ названіемъ; «Eugilde della Roccia». Душа и дарованіе поэта являются и здѣсь въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. С. Пеллико подарилъ ее попечителямъ дома умалишенныхъ въ Туринѣ, открывшимъ благотворительную лоттерею для доставленія этому заведенію пособія, въ которомъ оно имѣло крайнюю нужду.

Предисловіе Автора.

Я написалъ эту книгу и издаю ее теперь въ свѣтъ, въ надеждѣ, что она можетъ быть полезна всему юношеству вообще.

Это не ученое разсужденіе или какія либо глубокія изслѣдованія объ обязанностяхъ человѣка. (Кажется, нѣтъ надобности подкрѣплять остроумными доказательствами обязанность нашу быть честными и благочестивыми. Кто не находитъ этихъ доказательствъ въ своей совѣсти, тотъ напрасно будетъ искать ихъ въ книгѣ.

Единственная цѣль моя—исчислить обязанности, встрѣчаемыя человѣкомъ на пути жизни, внушить ему, чтобы онъ былъ внимателенъ къ нимъ и исполнялъ ихъ съ благородной твердостью.

Я съ намѣреніемъ избѣгалъ всякой высокопарности какъ въ слогѣ, такъ и въ смыслахъ. Предметъ, казалось мнѣ, требовалъ совершенной простоты.

Цвѣтъ моей родины! тебѣ приношу эту небольшую книгу; и мое пламеннѣйшее желаніе,—да одобритъ она тебя на пути добродѣтели и да поможетъ твоему счастію.

Объ обязанностяхъ человѣка.

I.

Необходимость и важность обязанностей.

Человѣкъ не можетъ уклониться отъ понятія о домѣ; не можетъ также не чувствовать всей его важности. Долгъ неразрывно связанъ съ нашимъ бытіемъ. Едва начинаемъ мы дѣйствовать разсудкомъ, какъ уже совѣсть напоминаетъ намъ о нашихъ обязанностяхъ: напоминанія ея становятся живѣе съ возрастающей въ насъ силою разсудка; и все растутъ и растутъ по мѣрѣ развитія. Равнымъ образомъ, напоминаетъ намъ о нашихъ обязанностяхъ все, что ни есть внѣ насъ, потому что все управляется гармоническимъ и вѣчнымъ закономъ, все здѣсь на землѣ должно являть премудрость и совершать волю Существа, которое есть начало и конецъ всякой вещи.

И человѣкъ имѣетъ свое назначеніе, свою природу. Надобно ему быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, если не хочетъ видѣть своего униженія въ глазахъ другихъ людей, въ своихъ собственныхъ, если не хочетъ отказаться отъ своего счастія. Человѣкъ, по природѣ своей, стремится къ счастію, и понимаетъ, и чувствуетъ, что онъ можетъ достигнуть онаго только добродѣтелью, то есть онъ не раздѣляетъ въ поступкахъ своихъ понятій о собственномъ благѣ отъ законовъ вселенной и предначертаній Провидѣнія.

Если и бываетъ, что ослѣпленные сильной страстью, мы готовы назвать нашимъ благомъ то, что противно благу другихъ и общественному порядку, то и въ этомъ случаѣ не достаетъ намъ собственнаго убѣжденія: совѣсть вопіетъ противное. А едва только затихла страсть, какъ снова все, противное благу другихъ и общественному порядку, становится въ глазахъ нашихъ отвратительнымъ.

Исполненіе долга, или своихъ обязанностей такъ необходимо для нашего благополучія, что самыя страданія и даже мученія и смерть непосредственно, повидимому, превращаются въ душевное удовольствіе для великодушнаго человѣка, который терпитъ и умираетъ изъ любви къ ближнему или изъ покорности къ неисповѣдимымъ судьбамъ Всемогущаго.

Итакъ, сознавать въ себѣ обязанность быть тѣмъ, чѣмъ человѣкъ долженъ быть, значитъ совмѣщать и обязанность, и счастіе. Религія превосходно выражаетъ эту истину, говоря, что человѣкъ созданъ по *образу Божію*.

Его долгъ и его счастіе заключается въ томъ, чтобы сохранить этотъ образъ, не желая сдѣлаться чѣмъ-либо инымъ; чтобы стараться быть благимъ потому, что Отецъ Небесный благъ, и что назначеніе, данное имъ человѣку, состоитъ въ томъ, чтобъ достигать всякой добродѣтели и соединиться съ Нимъ воедино.

II.

Любовь къ истинѣ.

Первая наша обязанность — это безспорно любовь къ истинѣ и вѣра въ нее.

Истина есть Богъ. Любить Бога и любить истину—это одно и то же.

Дай душѣ твоей, другъ мой, силу желать истины и да не прельстится она ложнымъ краснорѣчіемъ угрюмыхъ и неистовыхъ софистовъ, которые стараются наводить на все безотрадныя сомнѣнія.

Разсудокъ ни къ чему не служитъ, а еще можетъ повредить, когда устремляется оспаривать истину, безславитъ ее и защищаетъ жалкія гипотезы; когда онъ, изъ бѣдствій, коими усѣяна жизнь, выводитъ отчаянныя слѣдствія, и не признаетъ, что жизнь есть благо; когда, приводя примѣры мнимыхъ безпорядковъ въ мірѣ, не хочетъ признать въ немъ всеобщаго порядка; когда, пораженный осязаемостью и смертностью тѣлъ, упорно отвергаетъ существованіе невещественнаго, безсмертнаго *я*, и когда считаетъ грезами всякое различіе между порокомъ и добродѣтелью; а также когда смотритъ на человѣка, какъ на безсловесное животное и не хочетъ видѣть въ немъ ничего божественнаго.

Еслибы человѣкъ и природа, въ самомъ дѣлѣ, были бы такъ ненавистны и презрительны, вмѣсто того, чтобы терять время въ умствованіяхъ, намъ бы слѣдовало просто уничтожить себя, и разсудокъ, вѣрно, не внушилъ бы намъ ничего другого.

Но, какъ совѣсть велитъ всѣмъ намъ жить (исключеніе нѣкоторыхъ разстроенныхъ умовъ ничего еще не доказываетъ); какъ мы живемъ для того, чтобы стремиться къ счастію и чувствовать, что счастіе наше заключается не въ томъ, чтобъ унижаться и пресмыкаться, а въ томъ, чтобъ приближаться къ Богу, то ясно, что нашъ разсудокъ долженъ внушить человѣку высокое понятіе о достоинствѣ, коего онъ можетъ достигнуть.

Признавъ это за истину, отвергнемъ смѣло скептицизмъ, цинизмъ и всѣ вообще философскія мнѣнія, унижающія человѣка; поставимъ себѣ долгомъ вѣровать во все истинное, прекрасное и доброе. А, чтобъ вѣровать, необходимо имѣть расположеніе къ вѣрѣ, необходимо любить истину! Только любовь и можетъ придать душѣ силу; кто-же часто предается сомнѣніямъ, тотъ ее обезсиливаетъ. И къ вѣрѣ во всѣ благородныя ваши правила присоедините рѣшимость быть всегда живымъ выраженіемъ истины во всѣхъ словахъ и дѣлахъ. Одна только истина можетъ успокоить человѣческую совѣсть. Лжецъ, хотя бы умѣлъ скрывать свою ложь, несетъ наказаніе въ самомъ себѣ: онъ всегда чувствуетъ, что измѣняетъ долгу и унижается.

Чтобы гнусная страсть лгать не обратилась въ привычку, положите себѣ за правило не лгать никогда. Одно отступленіе отъ сего правила дастъ поводъ къ двумъ, къ пятидесяти, и такъ далѣе, добезконечности. Такъ многіе постепенно и доходятъ до ужасной склонности къ притворству, къ преувеличиванію и даже къ клеветѣ.

Наибольшая испорченность нравовъ бываетъ въ то время, когда ложь становится господствующей страстью. Отсюда всеобщая недовѣрчивость, даже—отца къ своимъ дѣтямъ; отсюда чрезмѣрное умноженіе клятвъ, божбы и вѣроломства; отсюда-же, разногласіе политическихъ, религіозныхъ и литературныхъ мнѣній, всегдашняя охота приписывать противной сторонѣ постыдныя дѣла и намѣренія; отсюда опять то же убѣжденіе въ томъ, что можно допустить всѣ способы для униженія своихъ противниковъ, а также и та азартность, съ которой мы ищемъ показаній противъ другихъ людей; и, по отысканіи нѣкоторыхъ, со-

вершенно пустыхъ и ложныхъ, упорствомъ, съ коимъ мы ихъ защищаемъ, мы и показываемъ видъ, будто находимъ ихъ уважительными.

У кого нѣтъ сердечной простоты, тотъ видитъ и въ другихъ только одно лукавство. Начнетъ ли говорить противная такому человѣку особа, онъ думаетъ, что говорятъ только съ злымъ умысломъ; молиться-ли начнетъ, раздастъ-ли милостыню, и онъ благодаритъ Бога за то, что не созданъ подобнымъ лицемѣромъ.

Ты, рожденный въ такой вѣкъ, когда ложь и крайняя недовѣрчивость сдѣлались всеобщими пороками, сохрани себя равно чистымъ отъ обоихъ, имѣй благородную довѣрчивость къ правотѣ другихъ и не гнѣвайся, если не отвѣчаютъ тебѣ взаимностью; но будь доволенъ и тѣмъ, что твое прямодушіе сіяетъ передъ очами того, кому все открыто.

III.

Религія.

Коль скоро доказано, что человѣкъ превосходнѣе безсловеснаго животнаго, и что въ немъ есть нѣчто божественное, то мы должны проникнуться глубочайшимъ уваженіемъ ко всякому чувству, и ничто не придастъ человѣку столько благородства, какъ стремленіе, вопреки всѣмъ его слабостямъ, къ совершенству, къ блаженству и къ Богу. Отсюда нельзя не признать превосходства религіи, нельзя не исповѣдывать ея.

Не пугайся ни множества лицемѣровъ, ни тѣхъ насмѣшниковъ, которые назовутъ и тебя лицемѣромъ, видя твою набожность.

Безъ твердости духа нельзя пріобрѣсть никакой добродѣтели, нельзя исполнить никакой высокой обязанности: и благочестіе не можетъ быть въ сердцѣ малодушнаго.

Еще менѣе должно пугать тебя, что ты, въ качествѣ христіанина имѣешь товарищами людей необыкновеннаго ума, неспособныхъ понимать всю возвышенность религіи. Изъ того, что и простой народъ можетъ и долженъ быть набожнымъ, еще не слѣдуетъ, что религія есть вещь простонародная. Развѣ ученый долженъ стыдиться быть честнымъ человѣкомъ оттого только, что и невѣжда обязанъ быть таковымъ же. Ученье и разсудокъ убѣдили тебя, что нѣтъ религіи болѣе очищенной и менѣе подверженный заблужденіямъ, нѣтъ религіи, которая бы отличалась большей святостью и яснѣе бы показывала свою божественность, какъ религія христіанская. Нѣтъ религіи, которая бы столько способствовала успѣхамъ и распространенію гражданской доблести, уничтоженію и облегченію невольничества, которая-бы вразумила смертныхъ, что они предъ Богомъ братья и что братскій союзъ соединяетъ ихъ съ самимъ Богомъ.

Размысли обо всемъ этомъ, а, особливо, о неопровержимости историческихъ свидѣтельствъ въ пользу религіи: они такого рода, что смѣло выдержатъ всякое безпристрастное изслѣдованіе.

А, чтобъ, при такомъ изслѣдованіи, не быть обманутымъ софизмами, обращаемыми противъ законности сихъ свидѣтельствъ, то присоедини къ нему воспоминаніе о всѣхъ тѣхъ возвышенныхъ умахъ, кои убѣждены были въ истинѣ упомянутыхъ свидѣтельствъ, начиная съ нѣкоторыхъ глубокихъ мыслителей нашихъ временъ и восходя до Данте, до св. Ѳомы, до св. Августина и до первыхъ отцовъ Церкви.

Каждый народъ представитъ тебѣ великія имена, которыми ни одинъ изъ невѣрующихъ не смѣетъ принебрегать.

Знаменитый Беконъ (Bacon), такъ превозносимый эмпириками, не только не былъ невѣрующимъ, подобно самымъ пламеннымъ изъ его панегиристовъ; но постоянно исповѣдывалъ христіанскую религію.

И Горацій былъ христіанинъ, хотя и ошибался въ нѣкоторыхъ пунктахъ, и написалъ разсужденіе о *подлинности христіанской религіи*. Лейбницъ также былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ христіанства. Ньютонъ не счелъ за стыдъ писать трактатъ *о сходствѣ Евангелій между собою*. Локкъ (Locke) написалъ сочиненіе о *Христіанской религіи, основанной на здравомъ умѣ*. Нашъ Вольта, первокласный физикъ и человѣкъ обширной учености, во всю жизнь былъ замѣчательнымъ христіаниномъ. Эти примѣры изъ жизни великихъ людей, конечно, могутъ служить нѣкоторымъ удостовѣреніемъ, что христіанская религія находится въ совершенномъ согласіи съ здравымъ умомъ, то есть съ такимъ умомъ, который любитъ разнообразить свои познанія и свои изысканія, а не ограничиваетъ себя умышленно, не довольствуется одностороннимъ взглядомъ на вещи, и не боится насмѣшекъ буйствующаго безвѣрія.

IV.

Ссылки на нѣкоторыхъ авторовъ.

Въ числѣ людей, пользующихся всесвѣтной славой, было нѣсколько нечестивцевъ, было не мало и такихъ, которые впали въ бездну заблужденій и нелѣпостей касательно религіи, но какое же изъ этого слѣдствіе? Что они ни говорили противъ христіанской религіи, тѣмъ не менѣе ихъ доводы были бездоказательны, а самые знаменитѣйшіе изъ нихъ не могли не признать превосходства той религіи, которую они ненавидѣли или которой они такъ дурно слѣдовали.

Но вотъ и еще примѣры, которые хотя и не новы, тѣмъ не мѣнѣе они все-таки не теряютъ своей важности, и здѣсь не лишнимъ будетъ повторить ихъ:

Жанъ-Жакъ Руссо въ своемъ „Эмилѣ" написалъ слѣдующія достопамятныя слова:

„Сознаюсь, что величіе Св. Писанія изумляетъ меня, святость Евангелія говоритъ прямо моему сердцу. Посмотрите на книги философовъ: какъ онѣ ничтожны, несмотря на всю ихъ пышность, передъ этой!... Возможно-ли, чтобъ такая книга, столь возвышенная и вмѣстѣ столь простая, была бы произведеніемъ ума человѣческаго? Возможно-ли, чтобы тотъ, чью она содержитъ исторію, былъ не что иное, какъ простой смертный? О дѣяніяхъ Сократа, въ коихъ никто не сомнѣвается, гораздо менѣе свидѣтельствъ, чѣмъ о жизни Іисуса Христа, и въ нихъ никто не сомнѣвается.

Но еще болѣе странно, какъ могли-бы нѣсколько человѣкъ, соединившись, написать такого рода правдивую книгу съ вымышленнымъ содержаніемъ; неужели это болѣе резонно, чѣмъ то, что матеріаломъ для нея послужила жизнь одного человѣка. А Евангеліе носитъ на себѣ отпечатокъ столь великой, столь разительной, и до того неподражаемой истины, что изобрѣтатель ея былъ-бы чудеснѣе даже Того, о Комъ говорится".

Далѣе Руссо говоритъ еще: „Бѣгите тѣхъ людей, которые, подъ видомъ объясненія природы, внѣдряютъ въ сердца другихъ безотрадныя правила. Ниспровергая, разрушая и попирая ногами все, что уважается людьми, они отнимаютъ у скорбящихъ единственную отраду въ горестяхъ, у сильныхъ и богатыхъ единственное средство къ обузданію

ихъ страстей; заглушаютъ въ преступныхъ сердцахъ голосъ совѣсти, лишаютъ ихъ надежды на добродѣтель, и величаютъ себя еще при этомъ благодѣтелями рода человѣческаго.—Никогда,—говорятъ они, истина не можетъ повредить человѣку.—Я съ этимъ согласенъ, и вотъ почему мнѣ кажется, что въ ученіи ихъ нѣтъ истины: Монтескье, хотя и небезупреченъ относительно нареканій на религію, но онъ прямо негодовалъ а тѣхъ, кто приписывалъ христіанской религіи то, въ чемъ она неповинна. „Бель", говоритъ онъ, "наругавшись надъ всѣми религіями, унижаетъ и христіанскую. Онъ осмѣливается утверждать, что изъ истинныхъ христіанъ не могло-бы составиться прочное государство. Отчего нѣтъ? Они были гражданами, превосходно понимающими свои обязанности и полными ревности къ ихъ исполненію; они очень хорошо понимали право естественной обороны; и, чѣмъ болѣе почитали себя обязанными въ отношеніи къ религіи, тѣмъ болѣе думали о своихъ обязанностяхъ къ отечеству.—Удивительное дѣло! Христіанская религія, которая, повидимому, представляетъ намъ одно блаженство въ будущей жизни, не можетъ заботиться и о благосостояніи въ настоящей". (См. Esprit des Lois Кн. III. гл. VI) И далѣе онъ говоритъ: „Нелѣпо было-бы выводить какія-либо заключенія противъ религіи. основываясь только на перечисленіи однихъ золъ, которыхъ она была причиной и не упоминая тутъ-же о томъ добрѣ, которое религія дала намъ. Если-бы кто захотѣлъ разсказать, сколько причинили въ свѣтѣ золъ междоусобныя войны, единодержавіе, республиканское правленіе, тотъ наговорилъ бы ужасы. Представимъ себѣ только безпрерывныя убійства царей и вождей греческихъ и римскихъ; истребленіе народовъ и городовъ этими же самыми вождями; жестокости Тимура и Чингисъ хана, опустошившихъ Азію, и тогда увидимъ, что христіанской религіи мы обязаны и нѣкоторымъ политическимъ правомъ въ государственномъ правленіи, и нѣкоторымъ правомъ народнымъ въ войнѣ, а это такія услуги, которыхъ никакая признательность человѣчества не можетъ вполнѣ вознаградить".

Великій Байронъ, этотъ выдающійся человѣкъ, превознося, къ несчастью, то порокъ, то добродѣтель, то заблужденія, то истину,—и тотъ сгоралъ жаждою добра и правды; и въ его сочиненіяхъ мы видимъ свидѣтельство того глубокого уваженія, которое онъ питалъ къ христіанской религіи.

Тоже самое мы должны сказать и про его друга, тоже величайшаго

изъ поэтовъ Англіи, Томасъ—Мура, мучившагося долгіе годы религіознымъ сомнѣніемъ и затѣмъ вернувшагося раскаяннымъ въ лоно христіанской церкви.

V.

Пусть всѣ размышленія и безчисленныя доказательства въ пользу религіи заставятъ тебя говорить рѣшительно:—Я хочу оставаться нечувствительнымъ ко всѣмъ, по большей части, лживымъ и нисколько неубѣдительнымъ доводамъ, съ которыми возстаютъ противъ моей религіи. Вижу, какъ ошибаются тѣ, кои утверждаютъ, будто она противится успѣхамъ просвѣщенія. Вижу несправедливость и того, будто христіанская религія была хороша только во времена варварства, а теперь нѣтъ, тогда какъ она содѣйствовала просвѣщенію Азіи, Греціи Рима и разнообразнѣйшимъ государствъ среднихъ вѣковъ, а также была принята всѣми народами, получившими впослѣдствіи новое образованіе.

Вижу, что, начиная съ первыхъ ересеначальниковъ до школы Вольтера и его товарищей, а потомъ до школы Сенъ-Симонистовъ нашего времени, не было ничего лучшаго и поучительнаго. Итакъ, пока я буду гордиться моей ненавистью къ невѣжеству и любовью къ просвѣщенію, до тѣхъ поръ не перестану гордиться и тѣмъ, что я православный христіанинъ. Я буду находить жалкимъ того, кто надо мной смѣется и старается показать, что принимаетъ меня за — одно съ суевѣрами и фарисеями.

Убѣдясь во всемъ этомъ и давъ себѣ такую клятву, будь постояненъ и твердъ. Оказывай религіи всевозможное уваженіе твоими чувствами, твоимъ умомъ и исповѣдуй ее, какъ среди вѣрующихъ, такъ и невѣрующихъ; но исповѣдуй не однимъ холоднымъ, грубымъ исполненіемъ ея обрядовъ, а оживляя это исполненіе благородными мыслями, возносясь до чувства удивленія къ высокимъ тайнамъ и безъ надменнаго желанія объяснить ихъ. Наконецъ, исповѣдуй ее, живо чувствуя проистекающія изъ нея добродѣтели и никогда не забывая, что поклоненіе Богу въ молитвахъ ничего не значатъ безъ рѣшительнаго намѣренія поклоняться Ему во всѣхъ нашихъ дѣлахъ.

Есть люди, которые ясно видятъ красоту и истину христіанской религіи; они чувствуютъ, что нѣтъ философіи, которая бала-бы выше, болѣе чуждой всякой неправды, болѣе преданной пользамъ человѣка,

и однакожъ эти люди несутся вслѣдъ за бѣдственнымъ потокомъ, живутъ точно такъ, какъ будто-бы христіанская религія существуетъ для одного простого народа, а образованному классу нѣтъ въ ней никакой нужды. Такіе люди виновнѣе настоящихъ невѣрующихъ, и число ихъ немаловажно.

Я самъ когда-то принадлежалъ къ нимъ; и знаю, какъ трудно выйти изъ этого состоянія. Употреби-жъ это усиліе, если когда-нибудь попадешь въ подобное положеніе. Будь нечувствителенъ къ насмѣшкамъ людей, когда идетъ дѣло о благородствѣ чувства, а какое-же чувство благороднѣе любви къ Богу?

Но въ случаѣ такого перехода отъ ложныхъ правилъ или отъ равнодушія къ чистосердечному исповѣданію вѣры, берегись, чтобъ не явить невѣрующимъ людямъ соблазнительнаго зрѣлища притворной набожности и малодушныхъ сомнѣній. Будь смиренномудръ передъ Богомъ и передъ людьми, не забывая, впрочемъ, никогда твоего человѣческаго достоинства, и не отступая отъ здраваго разсудка. Если кто противится Евангелію, тотъ исполненъ гордости и ненависти.

VI.

Человѣколюбіе, или любовь къ ближнему.

Только посредствомъ религіи человѣкъ познаетъ обязанность искренняго человѣколюбія, или искренней любви къ ближнему.

Любовь къ ближнему есть чудесное слово; и въ словѣ *человѣколюбіе* есть также нѣчто святое хотя многіе софисты употребили его во зло. Апостолъ Павелъ употребилъ его въ смыслѣ любви къ человѣческому роду, и даже примѣнилъ къ любви, свойственной самому Богу. Въ посланіи къ Титу, гл. III мы читаемъ: „Егдаже явися благодать и человѣколюбіе Спаса нашего Бога.“

Всемогущій любитъ людей, и хочетъ, чтобъ также и каждый изъ насъ любилъ ихъ. Мы уже сказали, что человѣкъ не можетъ быть добрымъ, быть довольнымъ самимъ собой и уважать себя, безъ того, чтобы не подражать Богу въ этой благородной любви, чтобъ не дѣлать своему ближнему добра и не желать благополучія.

Эта любовь заключаетъ въ себѣ почти всѣ человѣческія достоинства и составляетъ существеннѣйшую часть той любви, которою мы

обязаны Богу, какъ то явствуетъ изъ многихъ превосходныхъ мѣстъ Св. Писанія, а особливо изъ слѣдующаго:

„Тогда речетъ Царь сущимъ одесную его: пріидите благословенніи Отца моего и наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ созданія міра. Ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ — и вы напоили Меня, былъ странникомъ — и вы приняли меня, былъ нагъ — и вы одѣли Меня; боленъ — и вы посѣтили Меня, въ темницѣ былъ — и вы пришли ко Мнѣ. — Тогда праведники отвѣтятъ Ему: „Господи! когда мы видѣли Тебя алчущимъ, и накормили? или жаждущимъ, и напоили? Когда мы видѣли Тебя странникомъ, и приняли? или нагимъ, и одѣли? когда мы видѣли Тебя больнымъ или въ темницѣ, и пришли къ Тобѣ? — И Царь скажетъ имъ въ отвѣтъ: „Истинно говорю вамъ; такъ какъ сотворите единому изъ сихъ братій Моихъ меньшихъ, сотворите и Мнѣ.„ (Матѳ. гл. XXV.)

Составимъ-же себѣ умственно высокій образъ человѣка и будемъ стремиться уподобиться ему. Но что я говорю? Религія представляетъ намъ этотъ образъ и какой возвышенный! Тотъ, Кого она предлагаетъ намъ для подражанія, есть мужъ крѣпкій и кроткій въ высшей степени, — непремиримый врагъ притѣсненія и лицемѣрства, — человѣколюбецъ, готовый простить все, кромѣ закоснѣлаго злодѣйства, — который можетъ отомстить за себя, но не хочетъ; — который обходится съ бѣдными, какъ съ братьями, и не клянетъ богатыхъ сего міра, когда они не забываютъ бѣдныхъ братій своихъ; который цѣнитъ людей не по степени ихъ познаній или благосостоянія, но по чувствамъ сердечнымъ и по дѣламъ ихъ. Это единственный философъ, у котораго незамѣтно ни малѣйшаго пятна; это полное проявленіе Бога въ существѣ человѣческой природы, — это Богочеловѣкъ.

Съ какимъ благоговѣніемъ долженъ смотрѣть на человѣчество тотъ, у кого на умѣ такой достойный образецъ! Любовь всегда находится въ связи съ почитаніемъ, и, чтобъ питать нѣжное чувство къ человѣчеству, надо проникнуться глубокимъ къ нему уваженіемъ. Кто, напротивъ того, составляетъ себѣ низкое, грубое и невѣрное понятіе о человѣкѣ, кто находитъ удовольствіе смотрѣть на родъ человѣческій, какъ на стадо хитрыхъ и глупыхъ звѣрей, рождающихся для того только, чтобъ угождать своему желудку, производить себѣ подобныхъ, суетиться и обращаться въ прахъ; кто не видитъ ничего великаго въ улучшеніи нравовъ, въ наукахъ, въ искусствахъ, въ изслѣдованіи правосудія, въ неослабномъ нашемъ стремленіи ко всему прекрасному, доброму и божественному, — о! какъ тотъ можетъ искреннѣе уважать своего ближняго, любить его, увлекать съ собой на путь, ведущій къ добродѣтели и жертвовать собой для его спасенія?

Чтобъ любить человѣчество, надобно хладнокровно мириться съ его слабостями и пороками.

Если мы видимъ гдѣ-либо человѣка въ невѣжественномъ состояніи, то вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнимъ тутъ же и о чудесномъ свойствѣ человѣка выйти, помощію ума, изъ такого состоянія. Вспомнимъ и о томъ превосходномъ его свойствѣ, посредствомъ коего, даже при глубокомъ невѣжествѣ, онъ можетъ подвизаться въ высокихъ общественныхъ добродѣтеляхъ, каковы: мужество, состраданіе, благодарность и справедливость.

Нѣсколько человѣкъ, коснѣющихъ въ невѣжествѣ и равнодушныхъ къ добродѣтели, не составляютъ еще человѣчества. Достойны-ли они извиненія, и въ какой мѣрѣ достойны, это извѣстно Богу, а намъ довольно знать, что отъ каждаго потребуется отчетъ въ той только суммѣ, какую кто получилъ.

VII.

Уваженіе къ человѣку.

Прежде всего поставимъ на видъ тѣхъ людей, которые своими дѣлами проявляя нравственное величіе, показываютъ намъ и образцы достойные всегдашняго подражанія.

Конечно, мы не могли бы достигнуть равной съ этими людьми славы, да и не въ томъ сила. Всѣ мы, по крайней-мѣрѣ, можемъ сравниться съ ними во внутреннемъ достоинствѣ, то есть въ проявленіи нашихъ благородныхъ чувствъ, коль скоро мы родились существами не безсмысленными, и коль скоро жизнь наша, одаренная мыслящей способностію, перешла за предѣлы дѣтскаго возраста.

Когда мы бываемъ склонны презирать человѣчество, видя собственными глазами или узнавая изъ исторіи множество его преступныхъ дѣяній, то подумаемъ тутъ-же и о тѣхъ достойныхъ удивленія людяхъ, добродѣтели которыхъ являются и свѣточами въ исторіи.

Раздражительный, но благородный душою Байронъ говорилъ мнѣ, что это было одно средство, которымъ онъ спасался отъ человѣконенавистничества. „Первый великій человѣкъ“, восклицалъ Байронъ, „который всегда приходитъ мнѣ на память, есть Моисей: Моисей, возстановляющій народъ, дошедшій до послѣдней степени униженія, избавляющій его отъ постыднаго идолопоклоненія и рабства, предписывающій ему законъ, исполненный мудрости, законъ, образующій чудесную связь между религіею Патріарховъ и религіею просвѣщенныхъ временъ, то есть Евангельскою, Добродѣтели Моисеевы—это средства, которыми Провидѣніе производитъ изъ народа искусныхъ государственныхъ мужей, безстрашныхъ воиновъ, отличныхъ гражданъ, благочестивыхъ ревнителей правды, призванныхъ возвѣстить паденіе гордыхъ и лицемѣровъ, и будущее просвѣщеніе всѣхъ народовъ“.

„Обращая мысленно взоръ мой на нѣкоторыхъ великихъ людей, а, особливо, на моего Моисея,—продолжалъ Байронъ,—я всегда съ восторгомъ повторяю этотъ прекрасный стихъ Данта:

Che di vederli in me stesso m'esalto! ( )

(Ихъ лицемѣріе мнѣ новую вливаетъ силу!)

и возвращаюсь къ мнѣнію объ этой Адамовой плоти и о духѣ, въ ней обитающемъ:“

Слова великаго поэта запечатлѣлись въ душѣ моей неизгладимыми чертами и признаюсь, что, когда постигла меня ужасная склонность къ мизантропіи, я часто находилъ большое облегченіе, дѣлая то же, что и Байронъ.

Довольно указать на великихъ людей протекшаго и настоящаго времени, чтобы опровергнуть то низкое понятіе, какое составили себѣ иные о человѣческой природѣ. Сколько ихъ было въ глубокой древности! сколько во время Римскаго владычества! сколько въ невѣжественный средній вѣкъ и въ просвѣщенные вѣка новѣйшаго времени! Тамъ мученики правды, здѣсь утѣшители несчастныхъ, въ другомъ мѣстѣ отцы Церкви, удивляющіе своею высокой философіи и пламенной любовью къ ближнему; повсюду, наконецъ, доблестные воины, защитники правосудія возстановители наукъ, скромные поэты, скромные ученые, скромные художники! И какъ ни отдаленны тѣ времена, какъ ни блистателенъ жребій этихъ выдающихся людей, но мы не должны представлять себѣ ихъ созданными иначе, чѣмъ мы. Нѣтъ, въ самомъ началѣ и они не были полубогами, какъ и мы. Это были тѣ же смерт-

ные; они терпѣли горе и плакали подобно намъ; они, такъ же какъ и мы, должны были противоборствовать дурнымъ наклонностямъ, нерѣдко стыдиться себя самихъ и, наконецъ, бороться, чтобъ побѣдить.

Лѣтописи народовъ и другіе памятники оставили намъ воспоминаніе о небольшомъ числѣ великихъ душъ, существовавшихъ на землѣ. А можно было-бы, во всякое время, насчитать и тысячи такихъ, которые, оставаясь въ совершенной безызвѣстности, плодами ума своего и добрыми дѣлами приносили честь человѣческому имени, братскому союзу своему со всѣми великими по духу и таковому же, повторяю, союзу съ Богомъ.

Упоминать о превосходствѣ и великомъ числѣ добрыхъ не значитъ обольщаться мечтою, не значитъ смотрѣть на человѣчество съ одной только стороны, отвергая существованіе великаго числа безумныхъ и развращенныхъ. Что число таковыхъ людей велико, объ этомъ не спорю; но долженъ сказать, что человѣкъ можетъ не только уклониться отъ паденія, но во всякое время, независимо отъ своего состоянія и степени образованности, украситься и высокими добродѣтелями.

Когда мы отдадимъ эту справедливую дань человѣку, когда увидимъ въ немъ стремленіе къ безконечному совершенству, когда увидимъ, что онъ принадлежитъ болѣе безсмертному міру идей, чѣмъ животной жизни, когда увидимъ, что онъ въ состояніи отдѣлиться отъ стада звѣрей и сказать имъ: „Я значу болѣе всѣхъ васъ и всего земного, меня окружающаго!“ тогда и высокое чувство уваженія къ нему сильнѣе отзовется въ нашей душѣ. Самыя его слабости, самыя ошибки возбудятъ въ насъ болѣе жалости, когда мы вспомнимъ, какое онъ благородное существо. Намъ будетъ прискорбно видѣть царя тварей въ униженіи; мы будемъ стараться скрывать его погрѣшности, изъ благочестивой ревности подадимъ ему руку помощи, чтобы онъ могъ подняться изъ грязи и взойти опять на высоту, съ которой упалъ. Мы будемъ въ восхищеніи всякій разъ, когда увидимъ, что онъ, помня свое достоинство, является непобѣдимымъ среди скорбей и обидъ, торжествуетъ надъ самыми жестокими испытаніями и, съ чудесной силою воли, приближается къ своему божественному образцу.

VIII.

Любовь къ отечеству.

Всякое чувство благородно, когда оно служитъ къ сближенію людей между собой, когда возбуждаетъ ихъ къ добродѣтели. Циникъ, столь богатый софизмами противъ всякаго благороднаго чувства, стараясь унизить любовь къ отечеству, обыкновенно, прикидывается другомъ человѣчества, и говоритъ: „Мое отечество – вселенная; уголокъ, въ которомъ я родился, не имѣетъ никакого права на мое предпочтеніе; въ немъ нѣтъ ничего, что бы могло поставить его выше другихъ странъ, гдѣ люди живутъ также хорошо, и даже лучше; слѣдовательно, любовь къ отечеству есть родъ эгоизма, принадлежащаго нѣкоторымъ людямъ, основывающимъ на немъ свою ненависть къ остальной части рода человѣческаго“.

Другъ мой, не будь игралищемъ такой постыдной философіи. Ей свойственно только унижать человѣка, отвергать его добродѣтели и называть то призракомъ, то безуміемъ, то развратомъ, все, что возвышаетъ его душу. Громоздить высокопарныя слова противъ какой-бы то ни было похвальной наклонности, какой-бы то ни было мысли, внушенной усердіемъ къ общественному благу, есть искусство не трудное, но презрительное. Цинизмъ повергаетъ человѣка въ грязь; истинная же философія старается извлечь его изъ такого состоянія. Она исполнена благочестія и благоговѣетъ предъ любовію къ отечеству. Конечно, и цѣлый міръ мы можемъ назвать нашимъ отечествомъ. Всѣ народы суть члены огромнаго семейства, которое, по своей обширности, не можетъ быть управляемо одной властію, хотя верховный Владыка одинъ Богъ. Мысль, что всѣ, однородныя намъ, созданія составляютъ какъ-бы одно семейство, хороша тѣмъ, что принуждаетъ насъ быть доброжелательными къ человѣчеству вообще, но такой взглядъ не уничтожаетъ и другихъ, столько же вѣрныхъ и правдивыхъ взглядовъ.

Что человѣчество дѣлится на народы—это истина. Всякій народъ есть собраніе людей, которыхъ соединяетъ одна религія, одни законы, обычаи, одинъ языкъ, одно происхожденіе, и однѣ горести и надежды. Называть совокупнымъ эгоизмомъ эту симпатію, это согласіе въ пользахъ, между членами одного народа, все равно, если-бъ кто-нибудь, изъ страсти къ злословію, вздумалъ порочить любовь отеческую и любовь сыновнюю, изображая ихъ въ видѣ заговора, составленнаго каждымъ отцомъ съ своими дѣтьми. Будемъ помнить, что истина многостороння, и нѣтъ того добродѣтельнаго чувства, которое бы мы не были обязаны развивать въ себѣ. Но, можетъ быть, иное чувство, обратясь въ исключительное, сдѣлалось-бы вреднымъ?—Не дай ему сдѣлаться исключительнымъ, тогда оно и не будетъ вреднымъ. Любовь къ человѣчеству прекрасна, но не должна мѣшать любви къ родному краю; любовь къ родинѣ также прекрасна, но не должна мѣшать любви къ человѣчеству.

Горе тому, чье сердце лишено побужденій, которыя воспитываютъ въ людяхъ священное чувство, влекущее ихъ къ братскому соединенію. Два европейскіе путешественника встрѣчаются другъ съ другомъ въ иной части свѣта; одинъ изъ нихъ будетъ, положимъ, родомъ изъ Турина а другой изъ Лондона; оба они европейцы; и этого достаточно, чтобы между ними явилась дружеская связь, или извѣстный родъ патріотизма, который внушаетъ имъ похвальную готовность оказывать другъ другу искреннія услуги.

Но вотъ еще примѣръ. Нѣсколько человѣкъ съ трудомъ понимаютъ другъ друга: они говорятъ на разныхъ языкахъ. Вы не повѣрите, чтобъ между ними существовала одна и та же любовь къ родинѣ?—Напрасно. Это швейцарцы: одинъ изъ кантона Итальянскаго, другой изъ Французскаго, а третій изъ Нѣмецкаго. Единство политическаго союза, подъ защитой коего они состоятъ, замѣняетъ имъ недостатокъ общаго языка, располагаетъ ко взаимному доброжелательству и заставляетъ, благородными пожертвованіями, споспѣшествовать благоденствію своего единаго отечества.

Въ Италіи и Германіи предъ нами другое зрѣлище. Тамъ видимъ мы людей, живущихъ подъ различными законами, составляющихъ по этому, какъ-бы разныя народности; но всѣ они говорятъ или, по крайней мѣрѣ, пишутъ на одномъ и томъ же языкѣ; чтутъ общихъ предковъ, гордятся одной и той же литературой; у нихъ согласные вкусы; взаимная потребность въ дружбѣ, снисхожденіи и помощи. Эти различныя побужденія внушаютъ имъ болѣе доброжелательства другъ къ другу и болѣе соревнованія къ взаимнымъ услугамъ.

Любовь къ родному краю, каковы-бы ни были предѣлы этого края, обширные, или ограниченные, всегда есть благородное чувство. Нѣтъ народа столь малочисленнаго, который бы не имѣлъ своихъ собствен-

ныхъ знаменитостей, государей, доставившихъ ему относительное, болѣе или менѣе почтенное могущество; достопамятныхъ историческихъ дѣлъ; какой-нибудь отличительной черты, приносящей честь его характеру; мужей, знаменитыхъ своей доблестью, своими познаніями въ государственныхъ дѣлахъ, въ искусствахъ и наукахъ. И у каждаго человѣка есть, стало быть, причины любить съ нѣкоторымъ пристрастіемъ ту страну, тотъ городъ, то село, гдѣ онъ родился.

Но будемъ осторожны, чтобы любовь къ отечеству, и въ обширнѣйшемъ, и въ тѣснѣйшемъ своемъ смыслѣ, не превратилась въ чувство глупаго тщеславія къ мѣсту нашего рожденія, и въ чувство ненависти къ другимъ городамъ, къ другимъ странамъ и къ другимъ націямъ. Такой неблагородный, надменный и завистливый патріотизмъ будетъ уже не добродѣтелью, а порокомъ.

IX.

Истинный патріотъ.

Хочешь ли, чтобъ любовь твоя къ отечеству имѣла характеръ истинно высокій! Старайся тогда прежде всего сдѣлаться такимъ гражданиномъ, поступки и жизнь котораго были бы не постыдны для отечества, напротивъ, дѣлали-бы ему честь. Издѣваться надъ религіей и добрыми нравами, и, въ то-же время, любить достойнымъ образомъ отечество, такъ же несовмѣстимо, какъ несовмѣстимо выдавать себя за достойнаго почитателя любимой женщины, и не считать обязанностью быть ей вѣрнымъ. Если человѣкъ глумится надъ религіей, надъ святостью супружескаго союза, будемъ восклицать: „отечество! отечество! не вѣрь ему.“

Это лицемѣръ патріотизма, это негодный гражданинъ.

Истиннымъ патріотомъ можетъ быть только человѣкъ добродѣтельный, человѣкъ, понимающій свои обязанности, любящій ихъ и заботящійся объ ихъ исполненіи.

Никогда такой человѣкъ не будетъ льстивъ передъ сильными и злобнымъ порицателемъ всякой власти: раболѣпство и непочтительность это двѣ одинаковыя крайности.

На государственной службѣ, будь это военная или гражданская, истинный патріотъ долженъ имѣть въ виду не собственныя выгоды,

но честь и благосостояніе государя и народа. Живетъ-ли онъ частнымъ гражданиномъ, — и тогда честь и благосостояніе государя и народа составляютъ предметъ его пламеннѣйшихъ желаній, и онъ ничего не долженъ позволить себѣ такого, что бы могло вредить, напротивъ, онъ долженъ стараться всѣми силами содѣйствовать имъ во всемъ.

Онъ долженъ знать, что во всякомъ обществѣ есть злоупотребленія, и ничего нѣтъ болѣе желательнаго, какъ видѣть ихъ искорененіе; но ему должна быть ненавистна необузданность тѣхъ людей, которые хотятъ достигнуть всего грабежемъ и кровавой местью.

Кровопролитіе это самое ужасное и самое непоправимое изъ всѣхъ злоупотребленій. Патріотъ не возбуждаетъ междоусобныхъ распрей, а, напротивъ того, онъ собственнымъ примѣромъ и словами старается, по возможности, воздерживать неумѣренныхъ и защищать кроткія и мирныя мнѣнія. Онъ перестаетъ быть агнцемъ только тогда, когда опасность, угрожающая отечеству, взываетъ къ защитѣ. Тогда онъ становится львомъ, и, сражаясь за отечество, торжествуетъ или умираемъ.

X.

Сыновняя любовь.

Поприще твоихъ дѣяній начинается въ семьѣ. Родительскій домъ есть мѣсто, гдѣ должны совершаться первые подвиги добродѣтели. Что же послѣ этого мы должны сказать о людяхъ, которые думаютъ, что любятъ отечество, которые хвастаются своимъ геройствомъ, а, между тѣмъ, пренебрегаютъ такой важной обязанностью, какова любовь сыновняя?

Гдѣ существуетъ такая неблагодарность, тамъ нѣтъ любви и къ отечеству и нѣтъ ни малѣйшей искры геройства. Ребенку, едва начинающемуся что-либо понимать, своихъ обязанностяхъ, природа прежде всего внушаетъ: „Люби твоихъ родителей.“ Чувство сыновней любви такъ сильно, что, повидимому, нѣтъ надобности заботиться о сохраненіи ея на всю жизнь. Но, тѣмъ не менѣе, какъ объ этомъ говорено выше, необходимо, чтобъ всякое благодарное побужденіе укрѣплялось нашей волею, безъ чего оно исчезаетъ, и необходимо, чтобъ мы, съ твердымъ намѣреніемъ, исполняли намъ долгъ сыновней любви.

Мы гордимся любовью къ Богу, любовью къ человѣчеству, къ родному краю; и послѣ этого возможно-ли не оказывать глубочайшаго уваженія тѣмъ, черезъ кого мы сдѣлались Божьими созданіями, людьми, гражданами?

Отецъ и мать, естественнымъ образомъ, суть наши первые друзья; мы имъ обязаны прежде всего. Священный долгъ велитъ намъ быть къ нимъ признательными, любить ихъ и оказывать имъ полное во всемъ уваженіе. Тѣсная дружба, въ которой мы живемъ съ лицами, состоящими въ ближайшемъ съ нами родствѣ, слишкомъ скоро можетъ довести насъ до того, что мы будемъ обращаться съ ними безъ всякаго вниманія, безъ всякаго стремленія быть возможно любезнѣе. Остережемся - же отъ подобной несправедливости. Кто хочетъ истинно быть добрымъ, тотъ долженъ, при обнаруживаніи своихъ сердечныхъ склонностей, оказывать постоянство и радушіе, которыя только и дадутъ возможность достигнуть совершенства.

Быть внимательнымъ къ соблюденію всѣхъ общественныхъ приличій и въ то-же время отказывать родителямъ въ должномъ уваженіи, такъ же безрасудно, какъ и предосудительно. Вѣжливость и обходительность пріобрѣтаются только въ родной семьѣ.

„Что за бѣда“, говорятъ иные, „если дѣти обращаются вольно съ своими родителями?“ Чтобъ увѣриться въ любви дѣтей, родители не имѣютъ надобности требовать отъ нихъ притворнаго любезничанія или принуждать ихъ скрывать свои огорченія и свое негодованіе. „Но, если ты хочешь подняться выше всего зауряднаго, ты не долженъ разсуждать такимъ образомъ. Если понятіе о возвышенномъ обращеніи ты не различаешь отъ грубаго, то никакія узы родства, какъ бы онѣ тѣсны ни были, не могутъ оправдывать этого.

Не умѣть принудить себя дѣлать дома то же, что и внѣ дома для того, чтобъ угодить другимъ, чтобы почитать человѣка въ себѣ самомъ и Бога въ человѣкѣ, значитъ быть малодушнымъ. Для отдыха отъ усилій быть добрымъ, вѣжливымъ и чувствительнымъ нѣтъ другого времени, кромѣ сна.

Любовь къ родителямъ есть долгъ не только признательности, но и строгаго приличія.

Еслибъ и случилось, что наши родители были бы не совсѣмъ благосклонны, не совсѣмъ достойны почтенія, то, и въ данномъ случаѣ, одно уже то обстоятельство, что они виновники нашей жизни, должно ставить ихъ въ нашихъ глазахъ такъ высоко, что, если мы дорожимъ нашимъ добрымъ именемъ, мы обязанны относиться къ нимъ съ полнѣйшимъ уваженіемъ. Вниманіе къ такимъ родителямъ еще похвальнѣе и достойнѣе, такъ какъ это законъ природы, и, исполняя его, мы платимъ должную дань собственному достоинству.

Горе тому, кто станетъ строгимъ судьей своихъ родителей изъ-за какого—либо проступка съ ихъ стороны!—Какъ и къ кому мы можемъ быть снисходительны, если отказываемъ въ этомъ родному отцу и родной матери.

Требовать, въ залогъ нашего уваженія, чтобъ они были совершенными образцами человѣческаго рода, значитъ быть гордымъ и несправедливымъ. Мы также желаемъ, чтобъ насъ уважали и любили, а всегда-ли мы безпорядочны? Если бы даже мать или отецъ твой были далеки отъ того идеала ума и добродѣтели, какого-бы тебѣ хотѣлось, то старайся придумывать средства къ извиненію ихъ погрѣшностей отъ другихъ людей, оцѣнивай только одни ихъ добрыя качества.

Поступая такимъ образомъ, мы сами дѣлаемся лучшими, ибо пріобрѣтаемъ черезъ то характеръ благочестивый, великодушный, умѣющій оцѣнивать чужія достоинства. Другъ мой, пусть тебя чаще осѣняетъ печальная мысль: кто знаетъ, можетъ быть скоро заснутъ въ могилѣ эти убѣленныя сѣдинами головы, которыя я еще вижу теперь передъ собой. Ахъ! пока ты можешь наслаждаться ихъ лицезрѣніемъ, уважай ихъ и доставляй имъ утѣшеніе въ горестяхъ, которыми такъ обильна старость! Не умножай ихъ печали; престарѣлыя лѣта и безъ того располагаютъ къ грусти.—Въ обращеніи съ ними и во всемъ твоемъ поведеніи старайся быть до того любезнымъ, чтобъ одинъ видъ твой могъ оживлять и радовать ихъ. Всякая улыбка, которую ты вызываешь на ихъ поблекшія уста, всякая радость, возбужденная тобой въ ихъ сердцѣ, будутъ для нихъ спасительнѣйшимъ удовольствіемъ и обратится въ твою пользу. Богъ услышитъ благословенія, призываемыя отцомъ или матерью на главу признательнаго сына.

XI.

Уваженіе къ престарѣлымъ людямъ и къ предкамъ.

Уважай въ лицѣ престарѣлыхъ людей образъ твоихъ родителей и предковъ. Старость почтенна въ глазахъ всякаго благороднаго чело-

вѣка. Въ древней Спартѣ былъ законъ, по которому молодые люди обязаны были вставать съ мѣста при появленіи старца; молчать, когда онъ говоритъ, и уступать ему дорогу при встрѣчѣ. Чего не требуется отъ насъ закономъ, будемъ дѣлать то изъ приличія: это еще лучше.

Въ этомъ уваженіи столько нравственной прелести, что даже тѣ, которые и не признаютъ этого правила, невольно удивляются ему въ другихъ. На играхъ Олимпійскихъ одинъ престарѣлый аѳинянинъ искалъ себѣ мѣста, когда уже всѣ ступени въ амфитеатрѣ были наполнены зрителями. Молодые люди изъ его согражданъ подали ему знакъ приблизиться; но, когда онъ съ большимъ трудомъ добрался до нихъ, они встрѣтили его безстыднымъ смѣхомъ и отовсюду отталкиваемый бѣдный старикъ дошелъ, наконецъ, до того мѣста, гдѣ сидѣли спартанцы, вѣрные обычаю, священному въ ихъ отечествѣ; они скромно встали и дали ему мѣсто.

И что-же? Тѣ самые аѳиняне, которые такъ нагло надъ нимъ посмѣялись, были проникнуты удивленіемъ къ своимъ соперникамъ; живѣйшія рукоплесканія раздались на всѣхъ ступеняхъ, и старецъ, со слезами на глазахъ, воскицалъ: „Аѳиняне только знаютъ, что такое добро, а спартанцы его дѣлаютъ!"

Александръ Македонскій — здѣсь я охотно назвалъ-бы его Великимъ, — среди блистательныхъ побѣдъ, когда все способствовало къ возбужденію въ немъ гордости, умѣлъ однако смиряться передъ старостью. Однажды, когда необыкновенно большой снѣгъ остановилъ его побѣдоносное шествіе, онъ приказалъ развести небольшой огонь и, присѣвъ на своей царской скамьѣ, сталъ грѣться. Въ это время видитъ вдругъ между своими воинами человѣка, который дрожитъ отъ холода; тогда Александръ Македонскій подходитъ къ нему, и своими побѣдоносными руками, сокрушившими Персидскую Имперію, беретъ оцѣпенѣвшаго старца и сажаетъ его на своемъ собственномъ мѣстѣ.

Парини говоритъ: „если можно назвать кого злымъ, такъ это того человѣка, который не чтитъ старость, женщинъ и несчастья. (*

Парини умѣлъ пользоваться вліяніемъ, какое имѣлъ на своихъ питомцевъ, чтобъ заставить ихъ быть почтительными къ престарѣлымъ людямъ. Однажды онъ разсердился на одного юношу, котораго обвиняли передъ нимъ въ чемъ-то важномъ. Парини встрѣтился съ нимъ однажды на улицѣ въ то самое время, когда юноша мужественно защищалъ дряхлаго капуцина отъ оскорбленія солдатъ. Парини тотчасъ-же принялъ сторону молодого человѣка и, бросившись ему на шею, сказалъ: „Только что считалъ тебя негодяемъ; но теперь, когда я вижу, какъ ты защищаешь старость, я вновь вѣрю, что тебѣ доступны всѣ добродѣтели.

*) Джузеппе Парини, Итальянскій поэтъ, извѣстный въ свое время профессоръ изящной словесности и членъ многихъ ученыхъ обществъ, родился въ 729 г. (близъ Милана); умеръ въ 1799 г.

Мы, въ особенности, должны уважать старость въ тѣхъ людяхъ, которые въ нашемъ дѣтствѣ и юности несли на себѣ тяжелыя обязанности нашего воспитанія и которые всѣми силами содѣйствовали образованію нашего ума и *сердца*.

Будемъ снисходительны къ ихъ недостаткамъ и оцѣнимъ великодушно трудъ, совершенный ими для насъ, ту сердечную привязанность, которую они возымѣли къ намъ и ту сладостную награду, которую думали найти въ постоянствѣ нашей любви. Нѣтъ, кто великодушно посвящаетъ себя воспитанію юношества, тотъ не вполнѣ награжденъ хлѣбомъ, столь справедливо ему предлагаемымъ. Эти истинно отеческія и материнскія заботы не оцѣнимы. Онѣ облагораживаютъ человѣка, онѣ пріучаютъ любить и даютъ право быть любимымъ. Будемъ изъявлять сыновнее почтеніе всѣмъ тѣмъ людямъ, которые оказали важныя услуги своей родинѣ или всему человѣчеству. Да будутъ священны въ нашихъ глазахъ, ихъ писанія, ихъ изображенія и ихъ могилы!

Когда мы взглянемъ на прошедшіе вѣка и на оставшіеся отъ нихъ слѣды варварства; когда, оплакивая множество настоящихъ золъ, мы увидимъ, что они не больше, какъ слѣдствіе страстей и заблужденій временъ минувшихъ, то не будемъ поддаваться искушенію порицать нашихъ предковъ. Поставимъ себѣ за долгъ быть снисходительными въ приговорахъ надъ ними. Они предпринимали войны, которыя мы теперь осуждаемъ; но развѣ они не были принуждены къ тому необходимостью, которой, по отдаленности времени, мы оцѣнить не въ силахъ.

Они прибѣгали къ чужому посредничеству, которое впослѣдствіи оказалось пагубнымъ; но и тутъ необходимость или невинное заблужденіе не служитъ ли имъ оправданіемъ? Они положили основаніе учрежденіямъ, которыя намъ не нравятся; но чѣмъ доказать, что эти учрежденія не были необходимы въ то время, что они не были наилучшими, что могла дать человѣческая мудрость при тѣхъ средствахъ,

какія имѣло въ то время общество. Критика должна являться просвѣщенною, а не жестокою къ предкамъ; она не должна ни клеветать, ни призирать тѣхъ, которые не могутъ встать изъ могилъ своихъ и сказать: „Потомки, въ нашихъ дѣйствіяхъ и дѣлахъ мы руководились тѣмъ-то и тѣмъ“... Всѣмъ извѣстны слова стараго Катона: „Трудно вразумить людей грядущихъ вѣковъ въ томъ, что оправдываетъ нашу жизнь.“

XII.

Братская любовь.

У тебя есть братья и сестры. Старайся всѣми силами, чтобъ любовь, которую ты питаешь къ подобнымъ себѣ, проявлялась во всемъ ея совершенствѣ, сперва къ твоимъ родителямъ, а потомъ и ко всѣмъ, кто соединенъ съ тобой узами тѣснѣйшаго братства, имѣя общихъ съ тобою родителей.

Чтобъ зыть достойнымъ исполнителемъ божественной науки любви къ ближнимъ въ отношеніи ко всѣмъ людямъ, надобно сдѣлать первый опытъ ея въ кругу родныхъ.

Какъ пріятна мысль: „Мы—дѣти одной матери.“ Какое наслажденіе съ первой-же минуты рожденія найти съ своими братьями одни и тѣ же предметы благоговѣнія! Единство крови и сходство многихъ привычекъ, естественнымъ образомъ производятъ между братьями и сестрами такую симпатію, которая можетъ быть только разрушена ужаснымъ эгоизмомъ.

Если хочешь быть добрымъ братомъ, то берегись эгоизма, старайся каждый день быть великодушнымъ въ сношеніяхъ твоихъ съ братьями и сестрами. Пусть каждый изъ нихъ видитъ, что выгоды ихъ тебѣ столько же драгоцѣнны, сколько и твои собственныя. Если который-нибудь изъ братьевъ твоихъ сдѣлалъ проступокъ, то будь къ нему снисходителенъ, и снисходительнѣе чѣмъ къ кому-нибудь другому. Утѣшайся ихъ добродѣтелями, подражай имъ, и, въ свою очередь, поощряй ихъ собственнымъ примѣромъ; заставь ихъ благословлять судьбу за то, что она дала имъ такого брата, какъ ты. Нельзя перечислить всѣ поводы къ выраженію дружеской благодарности, теплой привязанности и нѣжнаго вниманія, которыя безпрестанно содѣйствуютъ укрѣпленію братской любви. Надобно однакожъ искать случая ихъ выразить, иначе

же онъ можетъ пройти незамѣченнымъ. Надобно стараться оцѣнить ихъ. Эти чувства пріобрѣтаются, единственно, твердою волею. Какъ ни учись, нельзя сдѣлаться превосходнымъ знатокомъ поэзіи или живописи, такъ же точно нельзя понять тонкости братской любви или какого-нибудь другого благороднаго чувства, безъ усерднаго желанія понимать его.

Близость домашнихъ отношеній ни въ какомъ случаѣ не избавляетъ тебя отъ обязанности быть вѣжливымъ съ братьями. Еще нѣжнѣе должно быть твое обращеніе съ сестрами. Ихъ полъ обладаетъ могучей прелестью, и онѣ, обыкновенно, употребляютъ этотъ небесный даръ для водворенія веселости въ цѣломъ домѣ, для изгнанія всякой угрюмости и для смягченія рѣзкости выговоровъ, которые имъ случается иногда слышать изъ устъ отца или матери. Уважай въ сестрахъ твоихъ плѣнительную сладость женскихъ добродѣтелей; радуйся тому вліянію, какое онѣ имѣютъ на твою душу, смягчая ее; и, такъ какъ природа создала ихъ слабѣе и чувствительнѣе тебя, то окажи имъ еще болѣе вниманія, утѣшая ихъ, когда онѣ печальны; и болѣе всего остерегайся быть причиной ихъ горести и оказывай имъ всегда знаки уваженія и любви.

Кто привыкъ быть недоброжелательнымъ и грубымъ къ своимъ братьямъ и сестрамъ, тотъ будетъ таковымъ ко всѣмъ. Если семейный союзъ дышетъ благородствомъ, любовью и святостью, то человѣкъ, выходя изъ своего дома и вступая въ общество, приноситъ съ собою ту-же потребность въ уваженіи и въ благородныхъ связяхъ, и ту-же вѣру въ добродѣтель, которая бываетъ плодомъ ежедневной привычки къ возвышеннымъ чувствамъ.

XIII.

Дружба.

Кромѣ твоихъ родителей и другихъ единокровныхъ-ближайшихъ друзей, данныхъ тебѣ природою; и кромѣ твоихъ наставниковъ, которые пріобрѣли столько правъ на твое уваженіе, и которыхъ также пріятно называть друзьями, ты можешь почувствовать особенную склонность или дружеское влеченіе къ другимъ лицамъ твоего же возраста коихъ добрыя качества будутъ мало тебѣ извѣстны.

Когда-же въ данномъ случаѣ долженъ ты повиноваться этой склонности и когда противиться ей?

Отвѣтъ на это прямой.

Мы должны быть доброжелательными ко всѣмъ людямъ; но простирать доброжелательство наше до степени дружбы должны только къ тѣмъ, кои пріобрѣли право на наше уваженіе. Дружба есть братскій союзъ, и, въ самомъ высокомъ своемъ значеніи, есть прекрасный идеалъ братства. Она есть совершеннѣйшее согласіе двухъ или, много, трехъ душъ, которыя сдѣлались какъ-бы необходимыми другъ для друга, которыя открыли въ себѣ величайшую способность понимать другъ друга, оказывать другъ другу помощь, поощрять другъ друга къ добру.

„Между всѣми обществами", говоритъ Цицеронъ, „нѣтъ благороднѣе и прочнѣе общества честныхъ людей, которыхъ сходство нравовъ соединило тѣсной дружбою."

Omnium societatum nulla praestatior, nulla firmior quam familiaritate conjuncti (De Off, к. г. XVIII.)

Не посрамляй священнаго имени друга, называя имъ такого человѣка, въ которомъ или вовсе нѣтъ добродѣтели, или есть,да мало.

Хотя бъ то былъ человѣкъ, самый пріятный по своей плѣнительной наружности, по своему пріятному обхожденію, по своему краснорѣчію, по обширности своихъ познаній, и даже по какому-нибудь блистательному порыву къ великодушнымъ подвигамъ; но, если онъ питаетъ ненависть къ религіи; если не прилагаетъ возможнаго попеченія о своемъ человѣческомъ достоинствѣ; если не чувствуетъ, что онъ долженъ умомъ и нравственностью дѣлать честь своему отечеству; если онъ является непочтительнымъ сыномъ и злонамѣреннымъ братомъ, то ты не долженъ искать его дружбы.

Хотя бы онъ оказывалъ тебѣ живѣйшую привязанность, но ты не долженъ съ нимъ дружиться: одинъ только добродѣтельный человѣкъ соединяетъ въ себѣ качества, необходимыя для дружбы.

Прежде, чѣмъ признаешь человѣка за добродѣтельнаго, одна мысль, что онъ не таковъ, должна удержать тебя въ предѣлахъ обыкновенной съ нимъ вѣжливости. Дарить сердце—слишкомъ важное дѣло: торопиться отдать его первому встрѣчному есть непростительная безразсудность и даже униженіе собственнаго достоинства. Кто дружится съ развратными товарищами, тотъ развращается и самъ, или, по крайней мѣрѣ, постыдно обращаетъ часть ихъ безславія на свою голову.

Но блаженъ тотъ, кто нашелъ себѣ достойнаго друга! Дѣйствуя

одинъ, собственными силами, добродѣтель его ослабѣваетъ, но она усиливается, благодаря примѣру и поощренію друга. Не оцѣнивая себя по достоинству, онъ могъ терять мужество, какъ только замѣчалъ въ себѣ наклонность къ пороку; уваженіе же къ любимому человѣку можетъ возвышать его въ собственныхъ глазахъ. Втайнѣ онъ еще стыдится не имѣть всѣхъ тѣхъ достоинствъ, какія предполагаетъ въ немъ; но мужество его возрастаетъ и поможетъ ему исправиться.

Онъ радуется, что другъ замѣтилъ его добрыя качества; благодаритъ его за то; горитъ желаніемъ пріобрѣсти новыя; и вотъ, благодаря дружбѣ, человѣкъ, который былъ далекъ отъ совершенства, который остался-бы таковымъ навсегда, приближается къ этому послѣднему быстрыми шагами.

Не слишкомъ хлопочи о томъ, чтобъ имѣть друзей. Лучше не имѣть ихъ вовсе, нежели раскаяваться въ опрометчивомъ выборѣ. И, когда ты нашелъ себѣ друга, то почти его возвышенною дружбой.

Это благородное чувство признавалось искони всѣми философами; оно утверждено и самою религіею. Въ Священномъ Писаніи встрѣчаемъ прекрасные тому примѣры:—„Душа Іонаѳанова сроднилась съ душою Давидовою... Іонаѳанъ любилъ его какъ свою душу"... „Но,-что всего важнѣе—дружба была освящена самимъ Спасителемъ! Онъ держалъ на груди своей главу Іоанна, и, испуская духъ свой на крестѣ, произнесъ божественныя, дышащія сыновней и дружеской любовью слова: —„Жено,Се сынъ Твой! (къ Пречистой Матери) и Се Мати Твоя!" (Ев. отъ Іоанна гл. XIX).

Я думаю, что дружба (разумѣется возвышанная, истинная дружба, та, которая основана на высокомъ уваженіи) почти необходима человѣку для удержанія его отъ низкихъ склонностей. Она даетъ душѣ полетъ поэтическій, сильный, возвышенный, безъ коего съ трудомъ поднялась бы душа надъ грязной тропой эгоизма.

Но, коль скоро ты почувствовалъ дружбу и далъ въ ней обѣтъ, напечатлѣй въ сердцѣ твоемъ всѣ обязанности ея. А ихъ много! онѣ заключаются въ стремленіи быть цѣлую жизнь достойнымъ своего друга.

Иные совѣтуютъ не дружится ни съ кѣмъ, потому что дружба слишкомъ сильно овладѣваетъ душой, развлекаетъ умъ, производитъ ревность; но я держусь мнѣнія одного превосходнаго философа, Франциска де Саля, который, въ своей „Филотеѣ", называетъ это „плохимъ совѣтомъ".

Онъ соглашается, что въ монастыряхъ особая привязанность, дѣйствительно, можетъ быть не благоразумна. „Но въ свѣтской жизни", говоритъ онъ, „необходимо, чтобы тѣ, которые хотятъ подвизаться подъ знаменемъ креста, соединялись вмѣстѣ. — Люди, живущіе въ свѣтѣ, гдѣ для сближенія съ Богомъ нужно совершить столько трудныхъ переходовъ, уподобляются тѣмъ путешественникамъ, которые, поднимаясь по крутой и скользкой стезѣ, держатся другъ за друга, чтобъ не упасть, чтобъ идти безопаснѣе".

Въ самомъ дѣлѣ, почему бы добродѣтельнымъ людямъ не помогать другъ другу въ добрѣ, когда и злонамѣренные люди помогаютъ другъ другу въ злѣ?

XIV.

Ученіе.

Коль скоро имѣешь возможность поставить себѣ священнымъ долгомъ образовать свой умъ, ты сдѣлаешься черезъ то способнѣе къ почитанію Бога, отечества, родителей и друзей.

Бредни Руссо, который утверждалъ, что дикарь есть счастливѣйшій изъ смертныхъ, что невѣжество предпочтительнѣе знанія, опровергаются опытомъ. Всѣ путешественники находили состояніе дикаго человѣка крайне бѣдственнымъ, всѣ мы видимъ, что невѣжда можетъ быть честнымъ человѣкомъ; но свѣдущій также можетъ быть таковымъ, и несравненно въ высшей степени. Только высокомѣрное знаніе вредно Соединяясь-же со смиреніемъ, оно располагаетъ душу любить съ живѣйшимъ чувствомъ Бога и любить съ живѣйшимъ чувствомъ родъ человѣческій.

Каковъ бы ни былъ предметъ твоего ученія, старайся изучать его сколько возможно основательнѣе. Поверхностное ученіе слишкомъ часто производитъ людей посредственныхъ и самонадѣянныхъ, людей, которые втайнѣ сознаютъ свое ничтожество, и еще съ большимъ жаромъ присоединяются къ толпѣ подобныхъ себѣ безпокойныхъ людей, чтобъ вмѣстѣ съ ними трубить на весь свѣтъ, что они одни велики, и что истинно великіе малы. Оттого вѣчныя брани педантовъ противъ высокихъ умовъ и брани пустыхъ крикуновъ противъ истинныхъ философовъ. Отсюда и то заблужденія, въ которое иногда впадаютъ народныя толпы, оказывая почтеніе тому, кто, уступая другимъ въ познаніяхъ, кричитъ громче и болѣе всѣхъ.

Нашъ вѣкъ не имѣетъ недостатка въ людяхъ глубокой ученности; но число поверхностныхъ ученыхъ, къ стыду его, еще больше. Стыдись находиться въ этомъ числѣ; но стыдись не изъ тщеславія, а по чувству долга, любви къ отечеству, по тому высокому уваженію къ человѣческому разуму, который ты получилъ отъ Создателя.

Если ты не можешь глубоко проникнуть во всѣ отрасли человѣческаго знанія, то пройди нѣкоторыя изъ нихъ только слегка, чтобъ пріобрѣсть въ нихъ, по крайней мѣрѣ тѣ, свѣдѣнія, екакихъ нельзя не имѣть; а, между тѣмъ, избери одну изъ сихъ отраслей, и на нее, преимущественно, обрати твои способности, а, главное, волю, чтоб ъне отстать отъ другихъ.

Вотъ еще прекрасный совѣтъ, преподаваемый Сенекою. — „Хочешь-ли, чтобъ чтеніе оставило въ тебѣ неизгладимые слѣды? Ограничься немногими здравомыслящими писателями, и питайся сущностію ихъ ученія. Быть вездѣ—значитъ то же, что не быть ни гдѣ. Кто цѣлую жизнь провелъ въ путешествіяхъ, тотъ могъ познакомиться со многими трактирщиками, но не пріобрѣлъ друзей. Такъ бываетъ и съ жадными чтецами, которые, не имѣя пристрастія ни къ какой книгѣ, бросаются на всѣ безъ разбора".

Въ пристрастіи твоемъ къ какой бы то ни было наукѣ умѣй воздержаться отъ одного, довольно обыкновеннаго, недостатка, а именно: быть до такой степени ослѣпленнымъ своею наукой, чтобъ презирать другія, которымъ ты не можешь посвятить себя.

Площадныя выходки нѣкоторыхъ поэтовъ противъ прозы, нѣкоторыхъ прозаиковъ противъ поэзіи, естествоиспытателей противъ метафизиковъ, математиковъ противъ филологовъ и на оборотъ-суть совершенное ребячество.

Всякая наука, всякое искуство, всякій способъ открывать и объяснять изящное имѣетъ право на уваженіе общества, а, особливо, на уваженіе каждаго образованнаго человѣка.

Не справедливо было-бы думать, что науки точныя и поэзія изгоняютъ сдругъ руга. Бюффонъ былъ великій естествоиспытатель, а слогъ его блещетъ чуднымъ поэтическимъ жаромъ. Маскерони *) былъ

*) Лоренцо Маскерони род. въ Бергамѣ 1750 г. ум. 1800 г.

вмѣстѣ и хорошій поэтъ, и хорошій математикъ. Упражняясь въ поэзія и въ наукѣ изящнаго, старайся, чтобъ твой разумъ не утратилъ способности хладнокровно останавливаться надъ какимъ-нибудь вычисленіемъ или логическимъ изслѣдованіемъ. Если бы орелъ сказалъ: „Мнѣ отъ природы свойственно летать; я иначе не могу разсматривать вещи, какъ только летая,“ онъ былъ-бы смѣшонъ. Сколько такихъ предметовъ, которые онъ прекрасно можетъ разсматривать, не распуская крыльевъ.

Съ другой стороны, хладнокровіе, котораго требуютъ науки наблюдательныя, не должно пріучать тебя думать, что человѣкъ уже достигъ совершенства, когда успѣлъ погасить въ себѣ послѣднюю искру воображенія, когда подавилъ въ себѣ поэтическое чувство. Это чувство, если дать ему надлежащее направленіе, не только не ослабляетъ разсудка, но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сообщаетъ ему новую силу.

Въ наукахъ, какъ и въ политикѣ, не довѣряй никакимъ партіямъ, ни ихъ системамъ. Разсматривай сіи послѣднія, чтобъ узнать ихъ, сравнивать съ другими и судить о нихъ, а вовсе не для того, чтобъ быть ихъ рабомъ. Что значили всѣ распри между неистовыми превозносителями и порицателя Аристотеля и Платона, и множества другихъ философовъ; или распри между превозносителями и порицателями Аріоста и Тосса? Великіе поэты и философы, поперемѣнно боготворимые или презираемые, остались тѣмъ, чѣмъ были, то есть, ни божествами, ни посредственными умами; тѣ-же, которые хлопотали, чтобъ взвѣсить ихъ на фальшивыхъ вѣсахъ, были осмѣяны; а свѣтъ, оглушенный ихъ распрями не узналъ отъ нихъ ничего новаго.

Во всѣхъ твоихъ ученыхъ занятіяхъ старайся соединять спокойствіе разсудка съ живостью понятія и терпѣливость анализа съ силою синтеза; болѣе-же всего рѣшимость не унывать при встрѣчѣ препятствій и не превозноситься успѣхами, то есть желаніе просвѣтиться такъ, какъ угодно Богу—съ постоянствомъ, но безъ высокомѣрія.

XV.

Выборъ призванія.

Выборъ призванія въ высшей степени важенъ. Отцы наши говаривали, что для счастливаго выбора надобно испрашивать вдохновенія у Бога. И въ наше время, не знаю, можно-ли сказать что-нибудь другое. Съ благоговѣйной важностью размышляй о будущности, которую ты готовишь себѣ между людьми, и молись.

Когда же услышишь въ своемъ сердцѣ божественный гласъ, который будетъ твердить тебѣ не одинъ день, но цѣлыя недѣли, цѣлые мѣсяцы, и всякій разъ съ новой силою убѣжденія:—„Вотъ призваніе, которое ты долженъ избрать,“—повинуйся этому гласу съ живой и твердой волею. Вступай на указанное тебѣ поприще и подвигайся впередъ, но неси съ собой добродѣтели, какихъ оно требуетъ.

Съ помощію этихъ добродѣтелей всякое призваніе прекрасно для того, кто избралъ его по склонности. Священническое служеніе, пугающее человѣка, исполнено прелести и наслажденій въ глазахъ человѣка благочестиваго; даже монашеская жизнь, которую многіе въ свѣтѣ почитаютъ несносною, а иные даже смѣшною, исполнена прелести и наслажденій для духовнаго философа, который не считаетъ себя безполезнымъ членомъ общества, пока еще любитъ и приноситъ пользу своей братіи или бѣднымъ крестьянамъ.

Званіе судьи, которое для многихъ кажется ужаснымъ бременемъ оттого, что требуетъ постоянныхъ заботъ, пріятно человѣку, въ коемъ преобладаетъ ревность защищать умомъ права своего ближняго. Благородная военная служба имѣетъ чрезвычайную прелесть для того, кто пламенѣетъ мужествомъ и понимаетъ, что нѣтъ ничего славнѣе, какъ защищать отечество съ опасностію собственной жизни.

Удивительное дѣло! всѣ званія, начиная съ самыхъ высшихъ, до скромнаго званія ремесленника, имѣютъ свою пріятность и несомнѣнное достоинство. Стоитъ только рѣшиться поддерживать въ себѣ приличныя каждому званію добродѣтели.

Если мы часто слышимъ людей, проклинающихъ свое званіе, то это происходитъ единственно отъ того, что весьма немногіе питаютъ въ себѣ необходимыя добродѣтели.

Не бери примѣра съ этихъ вѣчно недовольныхъ людей; и, избравъ приличное поприще, не мучь себя напраснымъ раскаяніемъ или желаніемъ перемѣны. На всякомъ пути жизни встрѣчаются трудности. Ступивъ на одинъ таковой путь, не должно подаваться назадъ, чтобъ не обнаружить своей слабости. Упорствовать похвально во всемъ, кромѣ зла; и только тотъ, кто умѣетъ упорствовать въ своемъ предпріятіи, можетъ надѣяться быть нѣкогда отличнымъ человѣкомъ.

XVI.

Довольство своимъ жребіемъ.

Многіе пребываютъ вѣрными избранному ими служенію и остаются вѣрными ему на всю жизнь, при чемъ негодуютъ только, видя, что другое званіе доставляетъ иному болѣе почестей, богатства; негодуютъ оттого, что имъ кажется, будто ихъ цѣнятъ и награждаютъ не по заслугамъ, негодуютъ оттого, что у нихъ слишкомъ много соперниковъ, и что не всѣмъ хочется стоять ниже ихъ. Удали отъ себя побочныя заботы; кто предается имъ, тотъ потерялъ свою долю счастія на землѣ; онъ становится надменнымъ, а иногда смѣшнымъ, придавая себѣ цѣну выше настоящей, становится несправедливымъ, всегда уменьшая достоинство тѣхъ, кому завидуетъ.

Конечно, въ человѣческомъ обществѣ заслуги не всегда награждаются въ справедливой соразмѣрности. Часто случается, что иной, работая превосходно, остается въ неизвѣстности или терпитъ униженіе отъ людей посредственныхъ и дерзкихъ, которые жаждутъ обогнать его. Но таковъ ужъ свѣтъ; и нѣтъ надежды, чтобъ въ этомъ онъ когда-нибудь перемѣнился. Въ этомъ случаѣ ничего болѣе не остается, какъ согласиться съ такой необходимостью и покорствовать ей.

Напечатлѣй хорошенько въ умѣ своемъ эту великую истину; вся сила въ томъ, чтобы имѣть достоинства, а не въ томъ, чтобы наши достоинства награждались. Награждаются они тѣмъ лучше для насъ; не награждаются—тѣмъ болѣе для насъ чести, когда мы сохранимъ ихъ и безъ награды.

Общество не было бы такъ порочно, если бы каждый старался умѣрять свои заботы и желанія. Это не значитъ, однакожъ, что ты долженъ сдѣлаться невнимательнымъ къ увеличенію собственнаго благосостоянія, что ты долженъ сдѣлаться лѣнивымъ и безпечнымъ, то-есть впасть въ другую крайность; нѣтъ, желанія твои должны быть благородны, а не безумны, не завистливы, и ты долженъ удержаться въ тѣхъ предѣлахъ, которые, какъ самъ видишь, нельзя переступить, и относительно которыхъ необходимо разсуждать такимъ образомъ: „Хотя я и не достигъ той высокой степени, которой почитаю себя достойнымъ, но и въ этомъ положеніи я остаюсь такимъ-же человѣкомъ; и, слѣдовательно, имѣю и такое же внутреннее достоинство“. Безпокоиться о полученіи наградъ за свои труды простительно только тогда, когда дѣло идетъ о необходимости для себя или своего семейства. Всего, что не составляетъ необходимаго, а служитъ только къ пріумноженію нашего благосостоянія (разумѣется, позволительными средствами), всего этого должны мы желать не иначе, какъ съ сохраненіемъ душевнаго спокойствія. Получаемъ-ли мы желаемое, благодареніе Богу! оно даетъ намъ возможность усладить нашу собственную жизнь и дѣлать добро другимъ. Не получали ли, и тогда благодареніе Богу: можно жить честнымъ образомъ.

Употребляй всѣ зависящія отъ тебя средства, чтобъ сдѣлаться полезнымъ гражданиномъ и чтобъ заставить другихъ слѣдовать твоему примѣру, а тамъ пускай дѣла идутъ своимъ порядкомъ. Пожалѣй о несправедливостяхъ и тѣхъ послѣдствіяхъ, которыхъ ты былъ свидѣтелемъ; но не уподобляйся медвѣдю, не дѣлайся человѣконенавистникомъ или, что еще хуже, не впадай въ ту ложную филантропію, которая подъ видомъ блага человѣчества, мучится жаждою крови и любуется разрушеніемъ, какъ сатана любуется смертью.

Правда, тотъ, кто противится возможному искорененію общественныхъ злоупотребленій, есть злодѣй или безумецъ, но тотъ, кто, понимая необходимость сихъ перемѣнъ, дѣлается жестокимъ, тотъ еще преступнѣе перваго.

Отнимите у человѣка спокойствіе духа, и сужденія его будутъ, по большей части, лживы и коварны. Одно только спокойствіе духа можетъ укрѣпить тебя въ страданіи, въ постоянной дѣятельности, оно одно можетъ сдѣлать тебя справедливымъ, снисходительнымъ и любезнымъ со всѣми.

XVII.

Раскаяніе и исправленіе.

Совѣтуя тебѣ удалить отъ себя всякое безпокойство ума, я замѣтилъ, что не должно предаваться лѣности, особливо, въ принятомъ тобою однажды навсегда намѣреніи дѣлаться день ото дня совершеннѣе. Тотъ ошибается, кто говоритъ: „мое нравственное воспитаніе кончилось, и дѣла мои его укрѣпили.“ Мы должны безпрестанно учиться,

какимъ образомъ вести себя въ настоящій день и въ будущіе дни; должны безпрестанно упражнять нашу добродѣтель новыми подвигами, безпрестанно думать о нашихъ ошибкахъ и каяться въ нихъ.

Да, каяться въ нихъ. Нѣтъ ничего справедливѣе этихъ словъ Церкви: „Жизнь наша должна быть всегдашнимъ покаяніемъ и стремленіемъ къ исправленію себя. Христіанская религія есть наука покаянія. И самъ Вольтеръ, въ одно изъ тѣхъ мгновеній, когда не былъ снѣдаемъ страстью поносить ее, написалъ — „Исповѣдь есть превосходное дѣло; она есть средство обуздывать преступленія, изобрѣтенное въ глубочайшей древности: обычай исповѣдоваться господствовалъ у древнихъ при отправленіи всѣхъ таинствъ. Мы только переняли и освѣтили этотъ благаразумный обычай; онъ имѣетъ удивительную силу обращать уязвленныя сердца отъ ненависти къ забвенію обидъ.“

(См. Quest. Encycl. т. III)

Когда Вольтеръ съ этимъ согласился, стыдно было-бъ не чувствовать того всякому, кто только гордится именемъ Христіанина. Будемъ внимательны къ голосу совѣсти; будемъ исповѣдоваться для нашего очищенія и не перестанемъ до конца дней нашихъ погружаться въ сію священную купель. Если мы будемъ исполнять это съ дремлющею волею; если, припоминая себѣ свои проступки, будемъ осуждать ихъ не одними только устами; если раскаяніе соединяется въ насъ съ истиннымъ желаніемъ исправленія — то смѣйся, пожалуй, кто хочетъ, а ничто не можетъ быть для сего вѣка спасительнѣе и благороднѣе этого. Коль скоро ты знаешь, что за тобой есть какая-нибудь вина, не медли ее загладить: это одно средство успокоить совѣсть. Всякое промедленіе въ исправленіи связываетъ тебя со зломъ и день ото-дня эта связь крѣпчаетъ, и ты чувствуя въ совѣсти извѣстную тяжесть начинаешь не уважать себя. Горе тому, кто думаетъ, что, при такой порчѣ, ему ничего болѣе не остается дѣлать, какъ только скрывать ее! Онъ теряетъ мѣсто въ ряду благородныхъ существъ, онъ подобенъ падшему свѣтилу, онъ несчастное твореніе. Если-бъ какой нибудь молодой безумецъ назвалъ тебя слабымъ за то, что ты не коснѣешь, подобно ему, въ порокахъ, — отвѣчай ему, что въ томъ, кто противится пороку, болѣе мужества, нежели въ томъ, кто ему предается; отвѣчай ему, что надменность грѣшника есть ложная сила, исчезающая на одрѣ смерть, если онъ до той минуты не лишился разсудка; отвѣчай ему, что мужество, которымъ ты гордишься, заключается именно въ томъ, чтобъ презирать насмѣшки, когда покидаешь стезю порока, и хочешь вступить на стезю добродѣтели.

Поступился ли ты въ чемъ, — никогда не позволяй себѣ лгать въ опроверженіе или въ извиненіе твоего проступка. Ложь есть постыдная слабость. Сознавшись въ своей ошибкѣ, ты поступишь великодушно, а за стыдъ, сопряженный съ сознаніемъ, будешь награжденъ похвалой добрыхъ людей. Обидѣлъ-ли ты кого, имѣй столько благородной скромности, чтобъ и спросить у него прощенія. Никто не назоветъ тебя за это подлецомъ, когда всѣ твои поступки — сплошное доказательство, что ты не трусъ. Упорствовать въ оскорбленіи и, вмѣсто того, что бъ великодушно отступить отъ сказаннаго, допустить до поединка или до вѣчной вражды, это самохвальство гордости и жестокости, это подлость, которую напрасно называютъ блистательнымъ именемъ чести.

Честь заключается только въ добродѣтели, а истинная добродѣтель раскаивается въ содѣланномъ злѣ, и старается оное исправить.

XVIII

Безбрачіе.

Когда ты пріобрѣтешь себѣ въ обществѣ приличное званіе и увидишь, что съ той силою хорошихъ привычекъ, которыя ты придалъ своему характеру, тебѣ можно быть достойнымъ человѣкомъ, тогда только, а не прежде, — если думаешь жениться, — займись выборомъ себѣ жены, которая бы была достойна твоей любви. Но прежде, нежели покинешь одиночество, подумай хорошенько, не лучше-ли въ немъ остаться? Если ты не умѣлъ до такой степени обуздать въ себѣ наклонности къ гнѣву, ревности, подозрительности, нетерпѣливости и тиранству, что не можешь надѣяться быть любезнымъ въ глазахъ подруги, въ такомъ случаѣ имѣй надъ собою столько власти, чтобъ отказаться отъ пріятностей брачнаго союза. Женившись ты обрекъ-бы горькой участи и жену, и себя самого.

Если ты не могъ найти особы соединяющей въ себѣ всѣ тѣ качества, которыя, по твоему мнѣнію, одни въ состояніи тебя удовольствовать и внушить ей нѣжное чувство къ тебѣ, въ такомъ случаѣ остерегайся жениться. Лучше остаться въ одиночествѣ, чѣмъ давать клятву любви,

которой не будешь чувствовать. Но, во всякомъ случаѣ, останешься-ли ты холостымъ на нѣкоторое время или навсегда старайся облагораживать, эту жизнь тѣми добродѣтелями, которыя она предписываетъ, и умѣй цѣнить ее выгоды.

Холостая жизнь имѣетъ также свои выгоды. И, вообще, каково бы ни было положеніе человѣка въ обществѣ, онъ долженъ изслѣдовать и оцѣнить выгоды своего положенія; иначе онъ будетъ воображать себя въ немъ несчастливымъ или униженнымъ и потеряетъ мужество дѣйствовать благоразумнымъ образомъ. Страсть показываться негодующимъ на общественные безпорядки, а, можетъ-быть, и мысль, что преувеличеніе безпорядковъ способствуетъ ихъ уничтоженію, часто давала поводъ людямъ съ сильнымъ краснорѣчіемъ обращать вниманіе другихъ на соблазнительный примѣръ многихъ холостыхъ людей, и кричать, что безбрачность противна природѣ, что она ужасное бѣдствіе, что она сильнѣйшая причина растлѣнія нравовъ. Не воспламеняйся этими преувеличеніями. Конечно, въ холостой жизни существуютъ соблазны; но изъ за того, что у людей есть руки и ноги нельзя вывесть заключеніе, что они соблазняютъ раздавать удары и пинки, и что руки и ноги вслѣдствіе этого вещь гнусная.

Пусть тѣ, которые приводятъ кучу доказательствъ мнимо неизбѣжной безнравственности холостого состоянія, пусть сочтутъ они бѣдствія, происходящія отъ браковъ, неосвѣщенныхъ взаимной склонностью сочетавающихся.

Минутные восторги брака смѣняются скукою, или ужасомъ видѣть себя въ неволѣ, смѣняются раскаяніемъ въ опрометчивомъ выборѣ и убѣжденіемъ, что нравы супруговъ несходны. Отъ раскаянія, обнаруженнаго съ обѣихъ сторонъ или съ одной только проистекаютъ: неуваженіе, обиды, и вседневныя жестокія огорченія. Женщина, существо кроткое и великодушное, обыкновенно бываетъ жертвою гибельнаго несогласія; она или умираетъ отъ этихъ мученій, или — что еще хуже — измѣняетъ своей природѣ, теряетъ свою доброту, предается такимъ чувствамъ, въ которыхъ думаетъ найти вознагражденіе супружеской любви и которыя не приносятъ ей ничего, кромѣ стыда и угрызеній совѣсти.

Отъ этихъ несчастныхъ браковъ рождаются дѣти, которыя, для перваго примѣра, имѣютъ передъ глазами недостойное поведеніе отца или матери или обоихъ вмѣстѣ; дѣти, которыхъ по этому любятъ мало или не такъ, какъ слѣдуетъ, и коимъ даютъ или недостаточное, или ложное воспитаніе; дѣти, не имѣющія никакого уваженія къ своимъ родителямъ, никакой любви къ братьямъ, никакого понятія о добродѣтеляхъ семейственныхъ — этой основѣ добродѣтелей гражданскихъ.

Подобные примѣры такъ часты, что стоитъ только открыть глаза, чтобъ видѣть ихъ.

Никто не скажетъ, что я преувеличиваю.

Я не отвергаю золъ, происходящихъ изъ безбрачнаго состоянія, но я увѣренъ также, что каждый, кто только обратитъ вниманіе на бѣдствія, мною описываемыя, признаетъ ихъ не меньшими, и, вмѣстѣ со мною, тоже скажетъ о множествѣ неудачныхъ браковъ.

„О, когда-бъ они не произносили вовсе этой роковой клятвы.“

Большая часть людей предназначена къ браку; но и безбрачность не противна природѣ. И не смѣшно ли сокрушаться о томъ, что не всѣ стараются о произведеніи себѣ подобныхъ? Безбрачное состояніе, избранное по основательнымъ причинамъ и соблюдаемое съ честью, не имѣетъ въ себѣ ничего низкаго. Напротивъ, оно совершенно достойно уваженія, какъ и всякое другое благоразумное пожертвованіе, сдѣланное съ благой цѣлью. Избавляя отъ семейныхъ заботъ, холостая жизнь даетъ однимъ — болѣе досуга и болѣе крѣпости, чтобъ посвятить себя высшимъ наукамъ и высшему служенію религіи; другимъ — болѣе средствъ къ поддержанію безпомощныхъ семействъ родныхъ своихъ; инымъ-же, наконецъ, болѣе свободы въ чувствахъ, обращаемыхъ къ вспомоществованію бѣднымъ.

А развѣ это предосудительно?

Подобныя размышленія не безполезны. Покидая холостую жизнь, или избирая ее, надобно знать, что покидаешь и что избираешь. Пристрастныя же выходки только сбиваютъ разсудокъ.

XIV.

Уваженіе къ женщинѣ.

Низкій и насмѣшливый цинизмъ есть принадлежность людей обыкновенныхъ; это демонъ клеветы на родъ человѣческій, который сплетничаетъ, чтобъ заставить человѣка смѣяться надъ добродѣтелью и попирать ее ногами. Онъ собираетъ всѣ факты, безславящіе религію и

восклицаетъ: — „Что есть Богъ? Какое благотворное вліяніе священства и христіанскаго ученія? Это одни вымыслы фанатиковъ.“ Онъ собираетъ всѣ факты, безславящіе политику, и восклицаетъ: — „Что такое законъ, гражданское устройство честь и патріотизмъ? — Все это не что иное, какъ война между хитростью и властью со стороны господствующихъ или домогающихся власти, и глупость со стороны повинующихся.“ — Онъ собираетъ всѣ факты безславящіе холостую жизнь, брачный союзъ, званіе отца, матери, сына, родственнаго друга и, съ гнуснымъ выраженіемъ радости, восклицаетъ: — „Я нашелъ, что все это одинъ эгоизмъ, одинъ обманъ, неистовство чувствъ, взаимная ненависть и презрѣніе!

Плоды этой адской и лживой мудрости, дѣйствительно, не больше, какъ эгоизмъ, обманъ, неистовство чувствъ, взаимная ненависть и презрѣніе.

Возможно-ли, чтобъ этотъ постыдный духъ пошлости, глумящійся надъ всѣмъ, что ни есть прекраснаго, не былъ бы точно также и врагомъ добродѣтельной женщины, и не искалъ бы унизить ее?

Каждый вѣкъ свидѣтельствуетъ объ усиліяхъ этого духа изображать женщину не иначе, какъ существомъ завистливымъ, лукавымъ, суетнымъ, непостояннымъ, неспособнымъ ни къ священному чувству дружбы, ни къ неизмѣнной любви; однимъ словомъ — существомъ презрѣннымъ. Женщина, сколько нибудь добродѣтельная, считается какъ-бы исключеніемъ.

Но благородныя побужденія человѣчества защищаютъ женщину. Христіанская религія возвысила женщину, запретивъ многоженство, непристойныя любовныя связи, и вознося Дѣву на недосягаемую высоту, рядомъ съ Богочеловѣкомъ, выше всѣхъ святыхъ и ангеловъ.

Новѣйшее общество вполнѣ почувствовало вліяніе этого благороднаго духа. Посреди самого невѣжества, рыцарство украсилось очищеннымъ поклоненіемъ любви. И у насъ, просвѣщенныхъ христіанъ, у насъ, потомковъ рыцарей, только тотъ почитается благовоспитаннымъ человѣкомъ, кто уважаетъ эту половину рода человѣческаго, отличающуюся кротостью и семейными добродѣтелями.

Но, со всѣмъ тѣмъ, древній врагъ благородныхъ чувствъ у женщины остался на свѣтѣ. И пусть-бы приверженцы его были одни необразованные люди, одни посредственные умы. Нѣтъ: онъ искажаетъ иногда умъ, самый блистательный, и всегда этап орча заводится тамъ, гдѣ исчезаетъ религія, которая одна освѣщаетъ человѣка.

Были философы (такъ, покрайней мѣрѣ, они называли себя), которые являли иногда самое пламенное усердіе къ человѣчеству, и, тутъ-же одолѣваемые безвѣріемъ, писали постыдныя сочиненія, безнравственныя книги, поэмы, романы, грязные стихи со всякаго рода анекдотами и вымыслами. Всѣ этого рода сочиненія проникнуты были неистовымъ желаніемъ возбудить въ людяхъ одну позорную чувственность.

Кто не знаетъ самаго обворожительнаго изъ такихъ писателей, какъ Вольтеръ, человѣка, который оказалъ нѣсколько добрыхъ качествъ, но не умѣлъ противиться низкимъ страстямъ и обуздывать плутовскую страсть смѣшить. Онъ написалъ длинную поэму въ поруганіе женской чести, въ поруганіе возвышенной героини, какая была когда—либо въ его отечествѣ, великодушной и злополучной Іоанны д'Аркъ. Госпожа Сталь справедливо назвала это сочиненіе:

Преступленіемъ въ оскорбленіи націи.

Отъ людей знаменитыхъ, а также и неизвѣстныхъ, отъ живыхъ и и умершихъ писателей, даже отъ нѣкоторыхъ безстыдныхъ женщинъ, которыя, черезъ свое безстыдство, сдѣлались недостойными своего скромнаго пола, короче, устами тысячи людей разносится циническій возгласъ: — „*Презирай женщину*“!

Не слушай такого сквернаго наущенія, или ты самъ, сынъ женщины, сдѣлаешься презрительнымъ. Уклоняйся отъ общества людей, которые въ женщинѣ не уважаютъ своей матери. Попирай ногами книги, которыя унижаютъ ее, проповѣдуя безнравственность??
уваженіемъ къ женскому достоинству, быть защитникомъ той, которая дала тебѣ жизнь, быть защитникомъ твоихъ сестеръ и нѣкогда, можетъ быть, защитникомъ той, которая получитъ священное имя матери твоихъ дѣтей.

XX.

Достоинство любви.

Уважай женщину, но бойся обольщеній ея красоты и, тѣмъ болѣе, обольщенія твоего сердца.

Блаженъ, если пламенная страсть привязала тебя къ той, которую бы ты желалъ и могъ избрать подругою твоей жизни!

Лучше сохранить свое сердце свободнымъ отъ всякихъ любовныхъ узъ, чѣмъ отдавать его во власть женщинѣ, не вполнѣ добродѣтельной. Человѣкъ, не отличающійся благородствомъ души, могъ-бы быть съ нею счастливъ; но не ты. Тебѣ нужна или всегдашняя независимость, или такая подруга, которая соотвѣтствовала-бы твоимъ благороднымъ понятіямъ о человѣчествѣ и, въ особенности, о женщинѣ.

Она должна быть изъ числа тѣхъ избранныхъ душъ, которыя превосходно понимаютъ изящное въ религіи и въ любви. Но смотри, однако, чтобы воображеніе не обмануло тебя, чтобы и въ дѣйствительности она не оказалась совсѣмъ иной.

Если найдешь такую женщину, если увидишь, что она пылаетъ непритворной любовію къ Богу; что она способна воспламеняться благороднымъ восторгомъ ко всякой добродѣтели; что она ищетъ случаевъ дѣлать всевозможное добро; что она чувствуетъ непобѣдимое отвращеніе ко всякому нравственно-низкому поступку; если также, съ такими достоинствами, она соединяетъ и образованный умъ, безъ малѣйшаго желанія выказывать его, если всѣ ея слова и поступки дышатъ добродушіемъ, изящною простотою, возвышенными чувствованіями, твердою волею въ исполненіи своихъ обязанностей, заботливостью о томъ, чтобъ никого не огорчать, чтобъ утѣшать странствующихъ и обращать свои помыслы на облагораживаніе мыслей другихъ, — о, тогда люби ее великой любовью, любовью достойной ея!

Пусть она будетъ тебѣ какъ-бы ангеломъ-хранителемъ. Во всемъ, что бы ты ни предпринималъ, старайся дѣлать ей честь. Любовь твоя къ женщинѣ, одаренной душой столь возвышенной, столь вѣрной религіи, какъ-бы ни была велика, не можетъ назваться излишествомъ или обожаніемъ.

Ты будешь любить эту женщину потому что ея воля находится въ совершенномъ согласіи съ волею Божіей. Поклоняясь одной, ты будешь поклоняться и другой, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, ты поклоняешься одной Его волѣ. Такимъ образомъ, если бы возможно было, чтобы воля ея противорѣчила Божьей волѣ, то очарованіе исчезло-бы, и ты перестал бы ее любить.

Есть много обыкновенныхъ людей, которые, не имѣя понятія о женщинѣ съ возвышенной душою, признаютъ также благородную любовь одной фантазіей. Пожалѣй о жалкой ихъ мудрости. Любовь, чистая и въ высшей степени способная возбуждать къ добродѣтели, не

невозможна; она хотя и рѣдко, но существуетъ. И каждый человѣкъ долженъ-бы сказать себѣ: — Или такую любовь, или никакой.

XXI.

Предосудительная любовь.

Но смотри, повторяю, чтобъ воображеніе твое не представило тебѣ чудомъ добродѣтели ту женщину, которая, въ сущности бы лабы совсѣмъ иной. Это будетъ, такъ называемая, романическая любовь — любовь смѣшная и предосудительная; это все равно, что отдать сердце на поруганіе передъ пустымъ истуканомъ.

Женщина, достойная уваженія твоего и уваженія самаго высокаго, конечно существуетъ на землѣ, но есть и, притомъ, очень много такихъ, которыя, бывъ избалованы воспитаніемъ, дурнымъ примѣромъ и собственнымъ легкомысліемъ, не могли возвыситься до того, чтобъ умѣть оцѣнить желанія человѣка добродѣтельнаго; которымъ гораздо пріятнѣе слушать льстивыя похвалы ихъ красотѣ и живости ихъ ума, чѣмъ заслужить любовь благородствомъ своихъ чувствъ. Такого рода женщины, обыкновенно, весьма опасны. Онѣ прельщаютъ не только своею красотою и изысканнымъ обращеніемъ, но часто еще и нѣкоторыми хорошими качествами, подающими надежду, что доброе въ нихъ возметъ верхъ надъ дурнымъ.

Не вѣрь этой надеждѣ, когда видишь въ нихъ большую суетность или другіе важные недостатки. Обсуживай ихъ строго; не съ тѣмъ, однако-жъ чтобъ говорить о нихъ дурно, не съ тѣмъ, чтобъ преувеличивать ихъ ошибки, а съ тѣмъ, чтобъ заблаговременно бѣжать отъ нихъ, если опасаешься не совсѣмъ достойной связи. Чѣмъ болѣе въ тебѣ природной склонности къ любви и расположенія къ почитанію женщины, тѣмъ настоятельнѣе ищи въ женщинѣ болѣе, чѣмъ посредственныхъ добродѣтелей, и тогда только рѣшись назвать ее своею подругою.

Пускай молодые развратники и подобные имъ люди смѣются надъ тобой; пускай называютъ тебя гордецомъ, дикаремъ, святошею. Презирай ихъ сужденія. Не будь ни гордецомъ, ни дикаремъ, ни святошею; но и не отдавай никогда на поруганіе твоихъ сердечныхъ чувствъ.

Рѣшись твердо или сохранить навсегда независимость сердца, или

отдать его такой женщинѣ, которая имѣла-бы полное право на твое уваженіе.

Кто любитъ достойную женщину, тотъ не станетъ терять времени въ раболѣпномъ угожденіи ей, въ обремененіи ее ласкательствами и пустыми вздохами. Она постыдилась бы имѣть сердечнымъ другомъ какого-нибудь женоподобнаго праздполюбца; она умѣетъ цѣнить дружбу только человѣка простодушнаго, достойнаго, который не спѣшитъ съ объясненіемъ въ любви, но старается напередъ понравиться ей добрыми правилами и добрыми дѣлами.

Женщина, которая терпитъ мужчину, раболѣпно валяющаюся у ея ногъ, готоваго подло переносить всѣ ея прихоти и занятія одними блестящими пустяками и любовнымъ желанствомъ, ясно показываетъ, какое жалкое мнѣніе имѣетъ она объ немъ и о себѣ самой. И кто находитъ удовольствіе въ такой жизни; кто любитъ безъ всякой благородной цѣли, безъ цѣли сдѣлаться лучшимъ, тотъ дѣлаетъ жалкое употребленіе изъ своего ума и сердца; и врядъ-ли останется у него столько силы, чтобъ сдѣлать что-нибудь доброе на свѣтѣ.

Не говорю о женщинахъ дурного поведенія: честный человѣкъ гнушается ими и стыдно тому кто не бѣжитъ отъ нихъ.

Коль скоро женщина показалась тебѣ достой любви, не предавайся подозрѣніямъ, или ревности, или нескромному желанію быть обожаемымъ до безумія.

Сдѣлай сперва хорошій выборъ, а потомъ люби, не мучая ни себя, ни избранной, твоей несносною запальчивостью, не смущаясь нимало тѣмъ, что она не показываетъ совершеннаго равнодушія къ любезности другихъ, и не требуя, чтобъ она любила тебя безъ памяти.

Будь преданъ ей по любви къ справедливости, чтобъ заплатить дань удивленію и благородную покорность высокому достоинству; чтобъ самому возвыситься до существа, которое кажется тебѣ столь превосходнымъ; а не для того, чтобъ она увеличила доказательства любви своей къ тебѣ.

Ревнивцы, приходящіе въ изступленіе отъ того, что ихъ мало любятъ, суть настоящіе тираны. Лучше отказаться совсѣмъ отъ удовольствія, чѣмъ сдѣлаться для него злымъ; лучше вовсе отказаться отъ любви, чѣмъ сдѣлаться тираномъ или впасть въ какое—либо другое излишество.

XXII.

Уваженіе къ замужнимъ женщинамъ и къ дѣвушкамъ.

Останешься ли ты холостымъ, или женишься—имѣй высокое уваженіе къ дѣвственности и къ брачному союзу.

Нѣтъ ничего щекотливѣе невинности и добраго имени дѣвушки. Не позволяй себѣ въ обращеніи или въ разговорѣ съ какою-бы то ни было дѣвушкою ни малѣйшей вольности, могущей осквернить ея мысли или встревожить ея сердце. Не позволяй себѣ говорить при ней или въ отсутствіи ея ничего такого, изъ чего другіе могли бы заключить, что она легкомысленна и влюбчива. Малѣйшаго подозрѣнія достаточно, чтобы лишить дѣвушку добраго имени, чтобы возбудить противъ нея клевету и разрушить, можетъ быть, союзъ, который составилъ-бы ея счастіе. Если бы сердце твое забилось любовью къ ней и ты не могъ бы искать ея руки, — не открывай ей своей страсти, а старайся, напротивъ, всячески скрыть эту страть. Зная, что ты ее любишь, она могла бы воспламениться взаимною къ тебѣ любовью, и черезъ то самое сдѣлаться иной разъ жертвою одной несчастной страсти. Если-же ты замѣтилъ, что самъ произвелъ впечатлѣніе на сердце той, на которой бы ты не хотѣлъ или не имѣлъ возможности жениться, будь равно внимателенъ къ ея душевному спокойствію и къ положенію ея въ обществѣ; перестань совсѣмъ ее навѣщать. Надо быть ужаснымъ злодѣемъ, чтобъ тѣшиться произведеннымъ въ сердцѣ бѣдной невинности бредомъ, который не можетъ принести ей ничего, кромѣ скорби и стыда

Съ замужними женщинами будь не менѣе осторожен. Бузумная любовь твоя, любовь къ такой женщинѣ, или безумная ея любовь къ тебѣ могла-бъ вовлечь васъ обоихъ въ большое несчастіе, въ большое безславіе. Ты потерялъ-бы, въ этомъ случаѣ менѣе, чѣмъ она; но одна мысль о томъ, какъ много теряетъ женщина, подвергаясь опасности сдѣлаться презрительною въ глазахъ мужа и въ своихъ собственныхъ, одна эта мысль должна заставить тебя, если ты великодушенъ, трепетать объ ея положеніи и не оставлять въ ономъ ни на минуту, а немедленно прервать связь, осужденную Богомъ и законами. Твое сердце и сердце любимой тобою женщины обольются кровью, разлучаясь другъ съ другомъ; но что нужды? добродѣтель достается не даромъ: ей нужны жертвы, и малодушенъ тотъ, кто не умѣетъ приносить ихъ.

Между замужней женщиной и чуждымъ ей мужчиной не можетъ быть другого короткаго и вмѣстѣ непозорнаго сношенія, кромѣ соревнованія въ справедливомъ другъ къ другу уваженіи, основанномъ на познаніи истинныхъ добродѣтелей, на взаимномъ убѣжденіи, что съ обѣихъ сторонъ непоколебимая привязанность къ своимъ должностямъ предшествуетъ всякой другой привязанности.

Почитай за безнравственный поступокъ похищеніе у мужа нѣжныхъ чувствъ жены. Если онъ достоинъ ея любви, то вѣроломство твое есть ужасное преступленіе; если же нѣтъ, то его ошибки не даютъ тебѣ права унижать несчастную его подругу. Женѣ дурнаго мужа нѣтъ другого пути: она должна безропотно терпѣть своего мужа и пребывать ему вѣрною. Кто, подъ видомъ желанія утѣшить ее, вовлечетъ ее въ преступную любовь, тотъ жестокій эгоистъ. Даже если бы онъ не имѣлъ другого побужденія, кромѣ состраданія, то и состраданіе такое — обманчиво, пагубно и преступно.

Внушивъ этой женщинѣ любовь, ты увеличилъ бы ея несчастіе, прибавилъ бы къ огорченію имѣть мужа, не совсѣмъ достойнаго любви, другое огорченіе — ненавидѣть его день ото дня болѣе, по мѣрѣ возрастающей къ тебѣ любви. Но ко всему этому присоединились бы, можетъ быть и терзанія отъ ревности мужа и присоединилась бы убійственная для нея мысль, что она виновна. Женщина, несчастно вышедшая замужъ, можетъ быть спокойною только при безукоризненномъ поведеніи. Кто обѣщаетъ ей спокойствіе, купленное другой цѣною, тотъ и увлекаетъ ее въ бездну горестей.

Въ разсужденіи о женщинахъ, къ которымъ ты расположенъ по ихъ добродѣтелямъ, берегись не менѣе, какъ и въ разсужденіи о дѣвушкахъ, чтобы твое дружеское къ нимъ расположеніе не послужило поводомъ къ обиднымъ подозрѣніямъ. Обдумывай напередъ, какъ говорить о нихъ съ людьми, привыкшими къ дурнымъ мыслямъ. У этихъ людей всѣ ихъ догадки всегда исходятъ изъ испорченности ихъ собственнаго сердца. Ложные толкователи чужихъ рѣчей, они даютъ лукавый смыслъ самымъ простымъ словамъ, самымъ невиннымъ поступкамъ, воображаютъ тайну тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ.

Никакая осторожность не можетъ быть излишнею для сохраненія имени женщины во всей его чистотѣ. Ея доброе имя, послѣ внутренней непорочности, есть лучшее ея сокровище. Кто мало заботится о сохраненіи этого имени, кто имѣетъ низость утѣшаться тѣмъ, что другіе

предположатъ въ женщинѣ какую-нибудь слабость къ нему, тотъ сущій негодяй, котораго слѣдовало-бы изгнать изъ всякаго порядочнаго общества.

XXIII.

Брачный союзъ.

Если сердечное твое расположеніе и приличія склоняютъ тебя къ брачному союзу, ступай къ алтарю съ благочестивыми мыслями, съ искреннимъ намѣреніемъ осчастливить ту, которая ввѣряетъ твоему попеченію дни свои, которая покидаетъ имя отцовъ своихъ, чтобы принять твое, которая предпочитаетъ тебя всему, что только было у нея до тѣхъ поръ драгоцѣннаго, и которая надѣется черезъ тебя дать жизнь новымъ разумнымъ существамъ, призваннымъ имѣть въ себѣ Бога.

Жалкое доказательство человѣческаго непостоянства! Большая часть браковъ заключается по любви, сопровождается благоговѣйными мыслями и твердымъ желаніемъ благословлять его до конца жизни; между тѣмъ, не пройдетъ иногда двухъ лѣтъ, даже двухъ мѣсяцевъ, какъ соединенная чета перестаетъ любить другъ друга, съ трудомъ терпитъ другъ друга, оскорбляетъ другъ друга взаимными упреками, взаимнымъ небреженіемъ. Отчего это? Во-первыхъ отъ того, что вступившіе въ бракъ слишкомъ мало узнали другъ друга до свадьбы. Будь остороженъ въ выборѣ; удостовѣрься въ добрыхъ качествахъ любимой особы, или ты погибнешь. Во-вторыхъ, охлажденіе въ любви происходитъ отъ недостатка душевной твердости, отъ того, что мы забываемъ повторять себѣ каждый день: „Принятое мною намѣреніе было необходимо; я хочу остаться при немъ навсегда.“

Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ обстоятельствахъ жизни, человѣкъ весьма легко переходитъ отъ добра къ злу; и въ людяхъ наиболѣе презрѣнное качество — это недостатокъ твердой воли; отъ чего и большая часть гнусностей и бѣдствій въ обществѣ происходитъ отъ недостатка твердости въ характерѣ.

Брачный союзъ можетъ быть счастливъ только при томъ условіи, если каждый изъ супруговъ вмѣнитъ себѣ въ непремѣнную обязанность и въ непреложное рѣшеніе: „Хочу всегда любить и уважать то сердце, которому я далъ власть надъ моимъ“.

Если выборъ былъ счастливъ, если одно изъ двухъ сердецъ не было уже испорчено, то я не повѣрю, чтобъ оно могло испортиться и сдѣлаться неблагороднымъ тогда, какъ другое расточаетъ ему нѣжныя услуги и осыпаетъ знаками благородной любви.

Не было примѣра, чтобъ мужъ, свободный отъ упрека въ грубомъ обхожденіи съ своею женою, или, по крайней мѣрѣ, въ предосудительномъ къ ней невниманіи, или въ иныхъ порокахъ, бывъ однажды милъ женѣ своей, переставъ бы въ глазахъ ея быть таковымъ же.

Женская душа отъ природы кротка, признательна, склонна любить какъ нельзя болѣе мужчину, который оказываетъ ей любовь и постоянно старается заслужить ея уваженіе. Но, будучи до крайности чувствительна, она легко раздражается невнимательностью мужа и всѣми пороками, могущими его унизить. И это раздраженіе можетъ довести и до непобѣдимаго отвращенія и до всѣхъ ошибокъ, какія только за тѣмъ слѣдуютъ. Несчастная сдѣлается тогда преступницею, но первою виною ея преступленій будетъ самъ мужъ.

Будь твердо убѣжденъ въ этой истинѣ: никакая женщина, которая была доброю въ день свадьбы, не теряетъ своей доброты въ сожительствѣ съ такимъ мужемъ, который не перестаетъ быть достойнымъ ея любви. Чтобы имѣть всегдашнее право на любовь жены, необходимо сохранить въ глазахъ ея все прежнее достоинство; необходимо, чтобъ короткость супружеской связи нисколько не уменьшала этого уваженія и той вѣжливости, какія оказывалъ мужъ женѣ своей прежде брака. Необходимо также, чтобы мужъ не сдѣлался ея невольникомъ, и былъ неспособнымъ управлять ею, или давалъ бы ей чувствовать его деспотическую власть, дѣлая ей суровые выговоры. Точно также жена должна быть убѣждена въ умѣ и правотѣ своего мужа, чтобы имѣть право гордиться званіемъ его супруги и зависимостью отъ него, но такою зависимостью, въ которой бы чувствовалась ея собственная воля, движимая любовью и сознаніемъ истиннаго достоинства. Какъ бы ты ни былъ счастливъ въ выборѣ жены, какъ бы ни былъ увѣренъ въ превосходныхъ ея качествахъ, все же ты не долженъ пренебрегать безпрестаннымъ стараніемъ быть въ глазахъ ея внимательнымъ и любезнымъ. Ты скажешь: „Она такъ совершенна, что прощаетъ всѣмъ и ошибки; на что мнѣ хлопотать о томъ, чтобъ сдѣлаться ей пріятнымъ, когда она любитъ меня всегда одинаково?“

Какъ? отъ того, что она такъ добра, ты будешь менѣе обращать вниманія на средства ей нравиться? Не обманывайся, другъ мой! Отъ того, что у нея прекрасная душа, недостатокъ въ тебѣ заботливости, приличія и вѣжливости будетъ только ненавистнѣе для нея. Чѣмъ болѣе благородства въ ея обращеніи и въ ея чувствахъ, тѣмъ сильнѣе для нея потребность найти въ тебѣ то же самое. Если же она этого не находитъ, если она видитъ, что отъ плѣнительной вѣжливости страстнаго любовника ты перешелъ къ оскорбительной невнимательности дурного мужа, то еще долго, по своей добродѣтели, она будетъ усиливаться любить тебя, но такія усилія ея будутъ напрасны. Она проститъ, но будетъ несчастна. И горе тебѣ, если она не совсѣмъ тверда въ своей добродѣтели, и если другой мужчина пришелся ей по сердцу. Это сердце, которое ты не сумѣлъ оцѣнить по достоинству, не сумѣлъ беречь, можетъ сдѣлаться жертвою преступной страсти, равно гибельной, какъ для ея собственнаго спокойствія, такъ и для спокойствія твоего и дѣтей твоихъ!

Такова участь многихъ мужей. Несчастныя жены, которыхъ они теперь проклинаютъ, были добродѣтельными, но совратились съ настоящаго пути, отъ того, что не были любимы.

Давъ женщинѣ священное имя супруги, ты долженъ посвятить себя ея счастію, такъ же какъ она твоему; но лежащая на тебѣ обязанность важнѣе, потому что женщина—созданіе слабое, а ты, какъ сильнѣйшій, долженъ первый подавать ей во всемъ добрый примѣръ и помощь.

XXIV.

Отеческая любовь.—Любовь къ дѣтямъ и потомству.

Дарить отечеству добрыхъ гражданъ, дарить самому Богу достойныхъ Его душъ,—вотъ твоя обязанность, когда у тебя будутъ дѣти. Обязанность высокая! Кто принимаетъ ее на себя, и измѣняетъ ей, тотъ величайшій врагъ отечества и Бога.

Нѣтъ надобности исчислять тѣ добродѣтели, какія приличны званію отца. Кто былъ добрымъ сыномъ и добрымъ мужемъ, тотъ, вѣрны будетъ имѣть и всѣ другія супружескія добродѣтели. Дурные отцы всегда выходятъ изъ неблагородныхъ сыновей и недостойныхъ мужей.

Но прежде, нежели у тебя будутъ дѣти, и даже если бы тебѣ суждено было не имѣть ихъ, старайся укрѣпить свою душу сладкимъ чувствомъ отеческой любви. Каждый долженъ питать въ себѣ это чувство, обращая его ко всему дѣтству и юношеству.

Смотри съ особенной нѣжностію на эту новую зараждающуюся вѣтвь общества, смотри на нее съ благоговѣніемъ.

Кто презираетъ или безвинно огорчаетъ дѣтей, тотъ, если не злодѣй, то становится имъ. Кто не щадитъ невинности ребенка, не печется о томъ, чтобъ отстранить отъ него все худое, чтобъ кто-нибудь не направилъ его на зло, чтобъ онъ воспламенялся одною только любовью къ добродѣтели,—тотъ можетъ быть причиной, что изъ прекраснаго ребенка дѣлается потомъ чудовище. Но эти рѣзкія и сильныя выраженія замѣнимъ лучше священными словами, произнесенными божественнымъ другомъ дѣтей—Спасителемъ?—„Кто приметъ одно такое дитя во имя Мое, тотъ Меня пріемлетъ, а кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и утопили бы его въ глубинѣ морской (Матѳ. гл. 18, стих. 5 и 6)

На всѣхъ тѣхъ, кто нѣсколькими годами моложе тебя, и на кого по этому примѣръ и голосъ твой могутъ имѣть вліяніе, смотри какъ на своихъ дѣтей; оказывай имъ то снисхожденіе и доброжелательство, которыя имѣютъ силу отвлекать ихъ отъ зла и подстрекать къ добру. Дѣти по природѣ своей переимчивы: если окружающіе ребенка благочестивы, достойны, добродѣльны, то онъ воспламенится желаніемъ сдѣлаться таковымъ же и будетъ таковымъ. А, если они злочестивы, подлы и недоброжелательны, то и ребенокъ будетъ гнуснымъ, какъ и они.

Покажи себя добрымъ даже къ тѣмъ дѣтямъ и молодымъ людямъ, которыхъ ты рѣдко видишь, и съ которыми, можетъ быть, не случится тебѣ говорить болѣе одного раза въ жизни; скажи имъ, если представится къ тому случай, скажи слово о добродѣтели. Одно это слово, одинъ твой благородный взглядъ можетъ отвлечь ихъ отъ дурной мысли, можетъ возбудить въ нихъ желаніе заслужить уваженіе честныхъ людей. Если молодой человѣкъ, подающій надежды, довѣрится тебѣ, будь ему великодушнымъ другомъ, помогай ему здравыми и сильными совѣтами, и не льсти ему никогда, а, отдавая справедливость похвальнымъ дѣламъ, сумѣй рѣзкой укоризною отклонить его отъ порочныхъ.

Если видишь, что молодой человѣкъ,—хотя бъ то былъ и не короткій твой пріятель,—увлекается порокомъ, не постыдись, когда представится удобный случай, подать ему руку помощи. Иногда такому молодому человѣку, вступающему на дурную стезю, довольно было бы одного слова, одного мановенія, чтобы заставить его краснѣть и возвратится на добрый путь.

Какое нравственное воспитаніе дашь ты дѣтямъ своимъ? Это будетъ для тебя загадкою, если ты самъ не любишь дѣтей и вообще все юношество. Потрудись пріобрѣсти такое воспитаніе, и тебѣ не трудно будетъ тогда воспитать и своихъ дѣтей.

XXV.

Богатство.

Религія и философія хвалятъ бѣдность, когда она украшена добродѣтелью, и далеко предпочитаютъ ее безпокойной страсти къ богатству. Однако они признаютъ право на богатство, если мы сохранили въ себѣ нравственное достоинство, какъ и каждый добродѣтельный бѣднякъ.

Стоитъ только не быть рабомъ богатства, не гоняться за нимъ, а думать единственно о томъ, какъ-бы употребить свое богатство въ пользу ближнихъ.

Хвала всякому состоянію, хвала и богатымъ!—Лишь бы они обращали свое благосостояніе въ пользу многихъ, лишь бы роскошь и удовольствіе не дѣлали ихъ безпечными и гордыми.

Ты, вѣроятно, останешься въ томъ состояніи, въ которомъ родился, равно удаленный отъ большого изобилія и отъ бѣдности. Ты будь всегда чуждымъ той ненависти, которая нерѣдко снѣдаетъ бѣдныхъ людей и возбуждаетъ ихъ противъ богатыхъ. Эта ненависть принимаетъ, обыкновенно, некрасивый тонъ философскаго языка, который полонъ выходокъ противъ роскоши, противъ обиднаго неравенства состояній, противъ счастливцевъ и сильныхъ; и только, повидимому, въ немъ есть великодушная жажда равенства, жажда облегчить безчисленныя бѣдствія, угнетающія человѣчество. Не обольщайся этими выходками, хотя бы ты слышалъ ихъ отъ людей, пользующихся нѣкоторою извѣстностью, и хотя бы прочиталъ въ сочиненіяхъ слово-

охотливыхъ педантовъ, покупающихъ благосклонность толпы цѣною лести. Въ ихъ выраженіяхъ негодованія болѣе зависти, невѣжества и клеветы, чѣмъ ревности къ правдѣ.

Неравенство состояній неизбѣжно и имѣетъ свои выгоды и свои неудобства. Иной бранитъ богатыхъ, но самъ, навѣрное-бы, не отказался быть на ихъ мѣстѣ. Весьма же немного такихъ богачей, которые не тратили бы своего золота; истрачивая же его, всѣ они тысячью способами содѣйствуютъ общему благу, съ большой или меньшей заслугой, а иногда даже безъ всякой заслуги. Они даютъ ходъ торговлѣ, способствуютъ очищенію вкуса, возбуждаютъ соперничество въ искусствахъ, питаютъ безконечныя надежды всякаго, кто ищетъ въ промышленности спасенія отъ нищеты.

Замѣчать въ богачахъ только праздность, нѣгу, безполезность,—это значитъ—безумно выставлять ихъ только въ каррикатурномъ видѣ. Если богатство располагаетъ нѣкоторыхъ къ безпечности, зато другихъ оно побуждаетъ къ достойнымъ дѣламъ. Нѣтъ въ мірѣ того города, гдѣ бы богатые люди не основали и не поддерживали всякихъ благотворительныхъ заведеній; нѣтъ также такого мѣста, гдѣ бы они не были покровителями несчастныхъ.

Итакъ, смотри на нихъ безъ гнѣва и безъ зависти и не повторяй клеветы. Не оказывай имъ ни презрѣнія, ни раболѣпства, точно такъ, какъ бы ты самъ не хотѣлъ, чтобъ тебѣ оказывалъ презрѣніе или раболѣпство менѣе тебя богатый человѣкъ.

Съ благоразумною бережливостью располагай тѣми способами, какіе дастъ тебѣ твое состояніе; избѣгай равно скупости, ожесточающей сердце и искажающей умъ, а также и расточительности, ведущей къ постыднымъ займамъ и къ укоризненнымъ поступкамъ. Старайся о приращеніи своего богатства позволительными средствами, только не изъ постыдной жадности. Никогда не должно забывать, что истинная честь и истинное счастье зависятъ не отъ богатства, но отъ чистоты сердца предъ Богомъ и передъ людьми. По мѣрѣ умноженія твоего благосостоянія, увеличивай кругъ твоей благотворительности. Богатство совмѣстимо со всякою добродѣтелью, но эгоизмъ, при богатомъ состояніи, есть сущая подлость. Кто имѣетъ много, тотъ долженъ и давать много,—это священная обязанность, отъ которой нельзя уклониться.

Оказывай пособіе нищему, только не останавливайся на этой одной милостынѣ: великая и благоразумная милостыня состоитъ въ томъ, чтобъ доставлять бѣднымъ возможность заняться различными ремеслами, дающими заработокъ и насущный хлѣбъ.

Подумай иногда, что непредвидѣнный случай можетъ лишить тебя состоянія твоихъ предковъ и ввергнуть также въ нищету. Сколько такихъ превращеній видѣли мы собственными глазами! И какой богачъ можетъ сказать: „Я умру не въ ссылкѣ и не въ бѣдственномъ положеніи?„

Пользуйся твоимъ богатствомъ съ тою благородной независимостью, которую философъ христіанской Церкви, согласно съ Евангеліемъ, называетъ *духовною нищетою.*

Вольтеръ, въ одно изъ тѣхъ мгновеній, когда имъ одолѣвала страсть къ шутовству, притворился, будто думаетъ, что проповѣдываемая Евангеліемъ *духовная нищета* есть *глупость.* Между тѣмъ, это есть способность сохранять, среди самого богатства, духъ смиренія, столь приличный бѣдности, умѣющей сносить ее въ случаѣ нужды и уважать ее въ другихъ; это добродѣтель, требующая не глупости, а духа возвышеннаго и мудрости. „Хочешь-ли образовать твою душу,—говорилъ Сенека—живи бѣдно, или какъ будто-бы ты былъ бѣденъ“. Если тебѣ случится впасть въ нищету, то не теряй бодрости. Трудись, не краснѣя, для своего пропитанія. Бѣдный человѣкъ можетъ быть столько-же достоинъ уваженія, сколько и тотъ, который ему помогаетъ. Но въ такомъ случаѣ мало добровольно отказаться отъ привычекъ прежняго твоего состоянія; не представляй собой смѣшного и жалкаго зрѣлища – надменнаго бѣдняка, который не хочетъ исполнять добродѣтелей, въ высшей степени приличныхъ бѣдности, а именно: благороднаго смиренія, строгой бережливости неутомимаго терпѣнія въ трудахъ и кроткаго спокойствія души вопреки враждебной судьбѣ.

XXVI.

Уваженіе къ несчастію.—Благотворительность.

Хвала всякому честному состоянію, хвала бѣднымъ; лишь-бы только они умѣли обращать свое злополучіе на улучшеніе самихъ

себя; лишь бы только не воображали, что страданія даютъ имъ право быть порочными и недоброискательными.

Впрочемъ, не суди ихъ слишкомъ строго. Имѣй жалость даже къ такимъ бѣднымъ, которые иногда не въ силахъ обуздать своего нетерпѣнія и своего гнѣва. Подумай, каково терпѣть нужду на распутіи или въ убогой хижинѣ, когда въ трехъ шагахъ отъ страдальца люди отлично одѣты и сыты. Прости ему, если онъ будетъ имѣть слабость взглянуть на тебя съ завистью, и облегчи его нужду, потому что онъ человѣкъ. Уважай несчастіе въ лицѣ каждаго человѣка, который несетъ его удары, хотя бы онъ и не былъ поверженъ въ крайнюю нищету, хотя бы онъ и не просилъ у тебя никакой помощи. Человѣкъ, живущій среди заботъ и трудовъ, и въ такомъ состояніи, которое ставитъ его ниже тебя, всегда имѣетъ право на нѣжное съ твоей стороны состраданіе. Не давай ему чувствовать надменнымъ обращеніемъ превосходства твоего состоянія. Не оскорбляй его рѣзкими словами, хотя бы онъ и не нравился тебѣ по своей грубости или по какому-нибудь другому недостатку.

Ничто такъ не радуетъ несчастнаго, какъ нѣжное вниманіе, оказываемое ему высшими; сердце его наполняется благодарностью, и тогда онъ начинаетъ понимать богача и прощаетъ ему то благосостояніе, которое является въ глазахъ его вполнѣ достойнымъ. Надменные и грубые въ обращеніи люди всегда ненавистны своимъ слугамъ, какъ бы хорошо имъ ни платили.

Навлечь на себя ненависть подчиненныхъ есть дѣло крайне безнравственное, во первыхъ потому, что ты долженъ быть самъ человѣкъ злой, во-вторыхъ и потому, что вмѣсто того, чтобъ облегчать ихъ скорби, ты ихъ умножаешь; а въ третьихъ потому, что, пріучаешь ихъ служить тебѣ вѣроломно, гнушаться зависимостью и проклинать все сословіе людей, которымъ счастіе благопріятствовало болѣе, нежели имъ. А такъ какъ справедливость требуетъ, чтобы каждый наслаждался всѣмъ возможнымъ въ этомъ мірѣ, то стоящій на высокой ступени, долженъ стараться, чтобъ низшіе его не находили свое положеніе несноснымъ, а, напротивъ, любили бы оное, видя уваженіе, которымъ это положеніе у всѣхъ пользуется, и отраду, съ которой богатые люди стараются помочь имъ.

Раздавай щедро всякія пособія тѣмъ, кто имѣетъ въ нихъ нужду,—деньгами или покровительствомъ; а добромъ и хорошими

примѣрами—всегда. Въ особенности же, если ты увидишь умѣренное достоинство, то старайся всѣми силами возвысить его, а если этого не можешь, то старайся, по крайней мѣрѣ, утѣшать.

Почитать за стыдъ оказывать уваженіе честному человѣку, обиженному счастіемъ, есть крайняя низость. Но, къ нашему горю, ты найдешь ее слишкомъ обыкновенною; будь тѣмъ осторожнѣе, чтобъ какъ-нибудь не заразиться ею.

Когда кто впалъ въ несчастіе, большая часть людей готова взвести вину на него, готова думать, что враги не даромъ порачатъ его и терзаютъ. Но эти послѣдніе сплетутъ какую-нибудь клевету въ намѣреніи оправдать только себя и обезславить несчастнаго, такъ какъ вообще какъ бы ни была клевета неправдоподобна, люди ей вѣрятъ и потомъ безжалостно ее повторяютъ. Тѣ немногіе, которые стараются ее уничтожить, рѣдко имѣютъ значеніе. Большая часть людей счастлива тѣмъ, что можетъ вѣрить злу.

Гнушайся этой несчастной наклонности, и, гдѣ только услышишь обвиненія, не забывай тутъ же выслушать и оправданіе. А если и не пришлось слышать послѣдняго, то самъ будь всегда великодушнымъ защитникомъ обвиняемаго. Не вѣрь существованію проступка, пока онъ не сдѣлается очевиднымъ, помни всегда, что люди, дышащіе ненавистью, нерѣдко говорятъ о проступкахъ, которыхъ вовсе и не существовало.

Хочешь-ли быть справедливымъ, гнушайся ненависти. Справедливость ненавистливыхъ людей есть ярость фарисеевъ. Какъ скоро человѣкъ постигнутъ несчастіемъ, хотя бы это былъ твой врагъ, всетаки низко торжествовать надъ его бѣдствіемъ и оказывать ему презрѣніе. Если представится случай говорить объ ошибкахъ этого человѣка, то говори объ нихъ скромнѣе, чѣмъ въ дни его благополучія, и старайся не увеличивать ихъ и не отдалять отъ тѣхъ достоинствъ, которыя въ немъ были. Жалость къ несчастнымъ, даже къ преступникамъ, всегда прекрасна. Законъ, конечно, имѣетъ право осуждать ихъ, но человѣкъ никогда не вправѣ восхищаться ихъ горестію или изображать ихъ красками, помрачающими истину.

По привычкѣ къ жалости, ты можешь иногда оказать добро людямъ и неблагодарнымъ. Не заключай, однако, изъ этого, будто всѣ люди неблагодарны и продолжай дѣлать добро. Между множествомъ неблагодарныхъ находится и признательный человѣкъ, достойный твоихъ

благодѣяній. Благословенья одного подобнаго человѣка вознаграждаютъ тебя за неблагодарность другихъ.

Да хоть бы ты и не нашелъ ни одной благородной души, то доброта твоего сердца будетъ первою твоею наградою. Ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ удовольствіемъ, какое даютъ намъ милосердіе и облегченіе чужого горя! Оно далеко превосходитъ удовольствіе пополучить, помощь потому что въ полученіи помощи нѣтъ добродѣтели, а въ оказаніи оной—очень много.

Дѣлая добро, будь вѣжливъ со всѣми, преимущественно же съ тѣми, которые имѣютъ право на особенное уваженіе, а тѣмъ болѣе съ робкими и честными женщинами и съ людьми, которые только что начали горькій опытъ бѣдностии нерѣдко скрываютъ свои слезы, чтобы только не произносить раздирающихъ сердце словъ: „*мнѣ надо хлѣба*!"

Кромѣ того, что ты дашь, какъ повелѣваетъ Евангеліе, *одна рука не будетъ знать того, что даетъ другая*—но соединись съ другими благородными душами къ умноженію вспомогательныхъ средствъ на учрежденія полезныхъ заведеній и къ поддержанію тѣхъ, которыя уже существуютъ. Есть также слова Евангелія: *старайтесь дѣлать добро не только передъ Богомъ, но и передъ всѣми людьми* (Посл. Павла къ Римлян. гл. XII). Есть добрыя дѣла, которыхъ одинъ человѣкъ совершить не въ силахъ, и исполненіе которыхъ втайнѣ невозможно.

Люби благотворительныя общества, и, если имѣешь на то средства, распространяй ихъ, оживляй, когда они застаиваются, и исправляй ихъ, если они уклонились отъ своей цѣли. Не теряй бодрости отъ насмѣшекъ, которыми скряги и тунеядцы всегда готовы осыпать того, кто трудится на пользу человѣчества.

XXVII.

Уваженіе къ знанію.

Когда твоя должность или домашнія заботы не даютъ тебѣ лишняго времени заниматься книгами, остерегись отъ той пошлой склонности, которою, обыкновенно, заражаются люди, охладѣвшіе къ ученію, или совсѣмъ переставшіе учиться, а именно: отъ склонности ненавидѣть всѣ тѣ знанія, которыхъ мы сами не пріобрѣли, смѣяться при

имени человѣка, который дорого цѣнитъ умственное образованіе, и желать общаго невѣжества какъ, блага общественнаго.

Презирай ложное знаніе, потому что оно пагубно; но уважай, во всякомъ случаѣ, истинное знаніе, далось ли оно тебѣ или нѣтъ. Старайся безпрестанно итти впередъ, продолжая заниматься исключительно одной наукой, или, по крайней мѣрѣ, читай разнаго рода хорошія книги. Для человѣка съ высокимъ знаніемъ такое упражненіе ума важно не только потому, что доставляетъ ему чистое удовольствіе и новыя свѣдѣнія, но и потому, что, слывя человѣкомъ образованнымъ и любителемъ просвѣщенія, онъ получаетъ въ то же время большое вліяніе, чтобы склонять другихъ къ добрымъ дѣламъ. Зависть и безъ того уже слишкомъ склонна безславить праводушнаго человѣка; если у нея есть какой нибудь поводъ или предлогъ назвать его невѣждой или покровителемъ невѣжества, то и на самыя лучшія его дѣла смотритъ съ неудовольствіемъ. Дѣло религіи, дѣло отечества, дѣло чести требуютъ отъ своихъ защитниковъ сперва добродѣтельныхъ намѣреній, а потомъ и познаній. Горе намъ, если люди злые будутъ имѣть право сказать порядочнымъ людямъ: „Вы ничему не учились и вы необходительны."

Но если не хочешь пріобрѣсть славу человѣка ученаго, то никогда не показывай вида, будто бы ты обладаешь такими познаніями, какихъ у тебя вовсе нѣтъ, Всякій обманъ постыденъ, даже и тщеславіе казаться свѣдущимъ въ томъ, чего не знаешь. Къ тому же нѣтъ обманщика, съ котораго-бы вскорѣ не спала личина, а тогда онъ сдѣлается жалкимъ. Какъ ни справедливо уваженіе наше къ знанію, но мы не должны простирать его до обожанія. Будемъ желать его себѣ и другимъ, а если намъ не было дано возможности пріобрѣсть знаніе, то покажемъ себя чистосердечно такими, каковъ мы есть. Многообразныя познанія имѣютъ свою пользу; но важнѣе всего въ человѣкѣ добродѣтель, которая нерѣдко соединяется и съ отсутствіемъ знанія. Слѣдовательно, если ты знаешь много, то это не даетъ тебѣ права презирать несвѣдущаго. Съ знаніемъ—то же, что и съ богатствомъ. Можно желать его для того, чтобы помогать ближнимъ, но и непросвѣщенный человѣкъ, имѣя возможность быть добрымъ гражданиномъ, заслуживаетъ уваженія.

Распространяй просвѣщенныя мысли въ необразованномъ классѣ людей. Но какія мысли? Не тѣ, которыя производятъ педантовъ, не тѣ, опять-таки, высокопѣрныя выходки, которыя такъ нравятся въ по-

шныхъ драмахъ и романахъ, гдѣ всегда незначущіе люди изображаются героями, а значущіе люди злодѣями; гдѣ вся картина общества искажена нарочно для того, чтобы возбудить къ нему ненависть; гдѣ порядочный человѣкъ добродѣтеленъ потому, что женится на дочери сапожника; гдѣ даже самыхъ разбойниковъ изображаютъ достойными удивленія, дабы представить ненавистнымъ того, кто имъ не удивляется. Если должно распространять просвѣщенныя мысли между невѣждами, то такія мысли должны предохранять ихъ отъ заблужденія и преувеличенія. Мысли, могущія удержать ихъ отъ нелѣпыхъ идей, анархіи, мысли, которыя научатъ ихъ богобоязненно и честно исполнять и тѣ скромныя обязанности, къ которымъ призвало ихъ Провидѣніе; и наконецъ такія, которыя внушаютъ имъ убѣжденіе, что неравенства общественныя неизбѣжны, но что добродѣтель равняетъ насъ всѣхъ передъ Богомъ.

XXVIII.

Привѣтливость.

Будь привѣтливъ ко всякому, съ кѣмъ бы тебѣ ни пришлось имѣть дѣло. Эта привѣтливость, научая тебя ласковому обращенію, дѣйствительно, располагаетъ къ любви. Кто принимаетъ видъ угрюмый, подозрительный, надменный, тотъ открываетъ душу свою злонамѣреннымъ чувствамъ. Такимъ образомъ, невѣжливость производитъ два важныхъ зла: она портитъ сердце того, кто ее оказываетъ, и раздражаетъ или огорчаетъ другихъ.

Но стараться объ одной только привѣтливости въ обращеніи еще мало; надобно, чтобы эта привѣтливость входила во всѣ твои мысли, во всѣ желанія, во всѣ чувствованія твои.

Человѣкъ, который не печется объ освобожденіи души своей отъ низкихъ помысловъ, который, напротивъ того, часто доступенъ имъ, безъ сомнѣнія нерѣдко бываетъ увлекаемъ ими къ дѣламъ предосудительнымъ.

Есть люди, хотя и не низкаго состоянія, которые позволяютъ себѣ грубыя шутки и неблагопристойныя слова. Не подражай имъ. Пусть въ твоемъ языкѣ не будетъ изысканнаго краснорѣчія, лишь бы онъ былъ чистъ отъ всякой неприличной пошлости, отъ всякихъ площадныхъ восклицаній, которыми отличается разговоръ людей необразованныхъ, и отъ всякихъ шутовскихъ насмѣшекъ, слишкомъ часто оскорбляющихъ нравы.

Чтобы выражаться прилично, ты долженъ учиться этому съ юныхъ лѣтъ. Кто не обладаетъ этимъ въ двадцать пять лѣтъ, тотъ не будетъ имѣть этого никогда. Нѣтъ, повторяю тебѣ, нужно не изысканное краснорѣчіе, но благопристойная рѣчь; она поселяетъ въ другихъ отраду, доброжелательство и желаніе добродѣтели.

Старайся также придать твоему разговору ту прелесть, которая заключается въ счастливомъ выборѣ выраженій и въ приличномъ измѣненіи голоса. Кто говоритъ пріятно, тотъ плѣняетъ своихъ слушателей и, слѣдовательно, желая, въ случаѣ надобности, склонить ихъ къ добру или отклонить отъ зла, будетъ имѣть надъ ними болѣе власти. Мы обязаны усовершенствовать всѣ способы, данные намъ Богомъ для того, чтобы мы могли быть полезны нашимъ ближнимъ.

Причина непристойной распущенности въ рѣчахъ и обращеніи чаще всего лежитъ не въ природной неспособности къ лучшему, а въ позорной лѣни и въ недостаткѣ желанія поработать надъ собою для удовлетворенія справедливыхъ притязаній другихъ людей.

Но, вмѣняя себѣ въ обязанность быть привѣтливымъ и помня, что мы должны стараться, чтобъ наше присутствіе было не только не въ тягость, но, напротивъ того, истиннымъ удовольствіемъ и благодѣяніемъ для всѣхъ, не спѣши изливать свой гнѣвъ на людей необразованныхъ. Подумай, что иногда драгоцѣнные камни бываютъ покрыты грязью. Конечно, лучше бы имъ не быть въ грязи, но и въ такомъ видѣ они все-таки драгоцѣнные камни.

Въ своемъ внѣшнемъ обращеніи съ людьми, которымъ не достаетъ приличнаго обхожденія, ты не долженъ держаться какъ бы съ людьми докучливыми и глупыми. Когда нѣтъ случая быть полезнымъ этимъ людямъ, то старайся избѣгать ихъ; но избѣгать такъ, чтобы они не могли подумать, что ты находишь ихъ противными. Иначе ты огорчишь ихъ или возбудишь противъ себя ихъ ненависть.

XXIX.

Признательность.

Если мы должны оказывать кроткія чувства и ласковое обращеніе всѣмъ, то, въ особенности, тѣмъ благороднымъ людямъ, которые явили намъ свою любовь, состраданіе и признательность.

Надобно стараться, чтобы, начиная съ нашихъ родителей, не было никого, кто бы, за оказанную намъ великодушную помощь дѣломъ или совѣтомъ встрѣтилъ въ насъ слабое воспоминаніе о его благодѣяніяхъ.

Въ отношеніи другихъ мы можемъ иногда, безъ особаго грѣха, быть строгими въ нашихъ сужденіяхъ и скупыми на любезность; но въ отношеніи къ тому, кто оказалъ намъ помощь, мы должны, во всякомъ случаѣ, не только наблюдать величайшую осторожность, чтобы не уронить добраго имени, но еще и оказывать живѣйшую готовность защищать и утѣшать такого человѣка.

Если человѣкъ, оказавшій благодѣяніе, оцѣниваетъ его слишкомъ высоко, то многіе считаютъ такого человѣка нескромнымъ, а себя освобожденными отъ благодарности къ нему.

Многіе также, по низости своей, стыдясь полученнаго благодѣянія, стараются убѣдить себя, что оно оказано изъ корысти, изъ тщеславія, или по какому-нибудь другому недостойному побужденію, и думаютъ оправдать этимъ свою неблагодарность.

Иные-же, достигнувъ высокаго званія, спѣшатъ отплатить за благодѣяніе, чтобъ только не носить бремени признательности; и, исполнивъ это, думаютъ, что имъ можно безгрѣшно забыть налагаемыя ею обязанности.

Всѣ уловки къ оправданію неблагодарности напрасны. Неблагодарный человѣкъ низокъ; и, для избѣжанія подобной низости, должно не скупиться, а быть, просто, расточительнымъ въ изъявленіи нашей благодарности.

Если твой благодѣтель гордится тѣми выгодами, которыя доставилъ тебѣ; если онъ не соблюдаетъ съ тобой той разборчивости, какой желаешь ты; если не совсѣмъ достовѣрно, что онъ оказалъ добро, единственно, по великодушію, то не твое дѣло осуждать его. Набрось покровъ на его ошибки, дѣйствительныя или возможныя, и смотри на одно

только добро, которое онъ тебѣ сдѣлалъ; смотри на это добро, хотя бы ты уже возвращалъ его, и возвратилъ сторицею.

Можно иногда оказать свою признательность, не разглашая полученнаго благодѣянія; но какъ скоро совѣсть говоритъ тебѣ, что есть поводъ къ разглашенію онаго, то отложи всякій ложный стыдъ и сознайся должникомъ той благодѣтельной руки, которая подала тебѣ помощь. „Изъявленіе благодарности безъ свидѣтелей часто походитъ на неблагодарность“, сказалъ превосходный нравоучитель Блацшаръ.

Только тотъ истинно добръ, кто является признательнымъ ко всякому, даже малѣйшему благодѣянію. Признательность есть душа религіи, сыновней любви, любви къ тѣмъ, кто любитъ насъ, любви къ человѣчеству, обществу, которому мы обязаны столь высокимъ покровительствомъ и столь многими удобствами жизни.

Исполняя долгъ признательности за все, что мы получаемъ добраго отъ Бога и отъ людей, мы въ то же время пріобрѣтемъ болѣе силы и душевнаго спокойствія къ перенесенію житейскихъ бѣдъ и болѣе готовности оказывать снисхожденіе и преданность нашимъ ближнимъ.

XXX.

Смиреніе. — Кротость. — Забвеніе обидъ.

Гордость и гнѣвъ не совмѣстимы съ привѣтливостью, слѣдовательно, нѣтъ привѣтливости въ томъ, кто не сдѣлалъ привычки быть смиреннымъ. „Если есть чувство, могущее истребить въ насъ оскорбительное презрѣніе къ другимъ, такъ это, конечно, смиреніе. Если существуетъ чувство, которое не допускаетъ относиться къ другимъ съ презрѣніемъ, то чувство это есть презрѣніе. Презрѣніе возникаетъ лишь тогда, когда мы сравниваемъ себя съ другими и отдаемъ себѣ предпочтеніе; это послѣднее мы можемъ уничтожить въ себѣ только тогда, когда мы пріучимъ себя замѣчать и свои недостатки, и сожалѣть, если мы всѣ свои заслуги приписываемъ милости Божіей и убѣждены, что, если Богъ отстранится отъ насъ, то мы тогда какъ-бы погрузимся въ пучину зла“. (См. прекрасное сочиненіе Матерни: Sulla Moraie Cattolica).

Обуздывай безпрестанно гнѣвъ свой, чтобы не сдѣлаться суро-

вымъ и горделивымъ. Если справедливый гнѣвъ и можетъ быть иногда извинителенъ, то это случается весьма рѣдко. Кто почитаетъ его справедливымъ, тотъ, во всякомъ случаѣ, подъ личиною ревности скрываетъ собственную злость.

Этотъ порокъ слишкомъ обыкновененъ. Поговори откровенно съ двадцатью лицами, и ты найдешь въ этомъ числѣ девятнадцать такихъ, которые будутъ обнажать передъ тобою свое сердце, разсказывая о мнимо-благородномъ негодованіи своемъ на того или на другого. Всѣ они, повидимому, раздражены противъ беззаконія, какъ будто бы они одни на свѣтѣ отличаются правдою. Страна, въ которой они живутъ, обыкновенно, хуже всѣхъ другихъ на землѣ; годы существованія ихъ, обыкновенно, самые несчастные; учрежденія, возникшія не подъ ихъ вліяніемъ, обыкновенно, самыя вредныя; кто говоритъ имъ о религіи, нравственности, тотъ, навѣрное, обманщикъ; если богачъ не сыплетъ золота горстями, такъ онъ, непремѣнно, скряга; если бѣднякъ терпитъ нужду и проситъ помощи—то это, конечно, какой-нибудь расточитель. Случится ли имъ сдѣлать человѣку добро, — этотъ человѣкъ, вѣрно, неблагодарный. Злословить всѣхъ людей, составляющихъ общество, за исключеніемъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ пріятелей вообще, имъ кажется неоцѣненнымъ удовольствіемъ.

А что еще хуже, это тотъ гнѣвъ, который то устремленъ на отсутствующихъ, то изливается на близкихъ. Человѣка задорнаго и злоязычнаго охотно принимаютъ за великодушнаго, и, навѣрное, сочли бы его героемъ, если бъ ему довелось управлять міромъ. А на человѣка кроткаго, напротивъ того, обыкновенно смотрятъ съ презрительной жалостью, какъ на слабоумнаго и малодушнаго.

Такія добродѣтели, какъ смиреніе и кротость, не приносятъ славы; но умѣй сохранить ихъ: онѣ дороже всякой славы. Всеобщія проявленія гнѣва и гордости доказываютъ только всеобщій недостатокъ любви, истиннаго великодушія и всеобщее честолюбіе казаться лучше другихъ.

Рѣшись быть смиреннымъ и кроткимъ; но въ то же время доказывай своими поступками, что эти качества не исходятъ изъ слабоумія или малодушія. Но какъ доказать это? Неужто такъ, что выведенный изъ терпѣнія, ты оскорбишь злого человѣка, или словами, или ругательными письмами?— Нѣтъ, не удостаивай отвѣта твоихъ клеветниковъ; и за исключеніемъ особенныхъ случаевъ, которыхъ невозможно опредѣлить, берегись терять терпѣніе, когда имѣешь дѣло со злымъ человѣкомъ;

берегись осыпать угрозами и унижать его. Кротость, когда она истинная добродѣтель—всегда права. Она унижаетъ гордость врага гораздо болѣе, чѣмъ самое громкое краснорѣчіе гнѣва и презрѣнія.

Докажи въ то же время, что кротость твоя не глупость или малодушіе, докажи это, сохраняя все твое достоинство передъ злыми людьми, не одобряя ихъ беззаконій, не покупая у нихъ похвалы, не отступая ни отъ религіи, ни отъ чести, изъ страха подвергнуться ихъ осужденію.

Привыкай думать, что у тебя есть враги, но не смущайся тѣмъ. Всякій человѣкъ, если онъ только благодѣтеленъ, откровененъ и кротокъ, всегда имѣетъ ихъ много. Есть негодяи, у которыхъ ненависть такъ привилась къ сердцу, что они немогутъ жить, не поднимая на смѣхъ и не обнося человѣка, пользующагося какой-нибудь извѣстностью.

Имѣй столько мужества, чтобы быть кроткимъ, и прощай скорѣе тѣмъ несчастнымъ, которые тебѣ вредятъ или хотѣли бы повредить. „Прощай не семь разъ" сказалъ Спаситель, „но семьдесятъ семь разъ, то есть до безконечности".

Поединокъ и вообще всѣ роды мщенія суть постыдныя изступленія страсти. Злоба есть смѣсь гордости съ низостью. Прощая обиду, можно сдѣлать изъ врага—друга, изъ негодяя—человѣка, способнаго къ благороднымъ чувствованіямъ. Какая прекрасная и утѣшительная побѣда надъ зломъ! Какъ далеко она превосходитъ ужасныя побѣды мщенія!

И хотя бъ тотъ, кому ты простилъ обиду, остался твоимъ непримиримымъ врагомъ, жилъ и умеръ бы ругаясь надъ тобою,—что потерялъ ты, оставаясь добрымъ? Развѣ ты не испытывалъ бы величайшаго изъ удовольствій, удовольствія остаться неизмѣнно великодушнымъ.

XXXI.

Мужество.

Мужество — вотъ необходимое условіе для всякой добродѣтели. Мужество для того, чтобы побѣдить свою лѣность и успѣвать во всякомъ благородномъ знаніи; мужество, чтобъ защищать отечество и быть

всегдашнимъ заступникомъ ближняго; мужество, чтобы противиться дурнымъ примѣрамъ и выдерживать несправедливыя насмѣшки; мужество, чтобы сносить болѣзни, труды и всякаго рода огорченія безъ малодушнаго ропота; мужество, чтобъ стремиться къ совершенству, достиженіе коего, хотя и невозможно въ семъ мірѣ, но не менѣе того дожно быть предметомъ нашихъ желаній, какъ учитъ Божественное Евангеліе, если мы хотимъ сохранить благородство души.

Какъ бы ты ни дорожилъ своимъ имуществомъ, честью, жизнью, будь всегда готовъ жертвовать всѣмъ твоему долгу, если онъ требуетъ такихъ пожертвованій. Въ комъ нѣтъ такого самоотверженія, такого равнодушія къ благамъ земнымъ, чтобъ умѣть отказаться отъ нихъ, когда потребуетъ совѣсть, тотъ не только не герой, но легко можетъ сдѣлаться чудовищемъ! „Nemo enim justus esse potest, qui mortem, qui dolorem, qui elium, qui egestatum timet, aut qui ca, quaehis sunt contraria, aequitati anteponit". (Cic. de Off. II. 9) *).

Жить съ сердцемъ, непривязаннымъ къ ничтожнымъ благамъ, кажется слишкомъ строгимъ и неисполнимымъ. Достовѣрно, однако, что кто, при случаѣ, не умѣетъ быть равнодушнымъ къ таковымъ благамъ, тотъ не можетъ ни жить, ни умереть достойнымъ образомъ.

Мужество должно возвышать духъ и направлять его къ пріобрѣтенію всякой добродѣтели; поберегись, чтобъ оно не переродилось въ гордость или жестокость.

Кто думаетъ, искренно или притворно, будто бы мужество несовмѣстимо съ кроткими чувствами, кто пріучается къ самохвальству, къ ссорамъ, къ безпорядкамъ и кровопролитіямъ, тотъ употребляетъ во зло силу воли и власти, данны ему Богомъ, чтобъ сдѣлаться полезнымъ и примѣрнымъ членомъ общества. И весьма часто подобные люди блѣднѣютъ въ виду опасности; чтобъ спастись самимъ, они готовы предать отца и брата. И въ битвахъ, кто первый покидаетъ ряды?— Безъ сомнѣнія воинъ, смѣявшійся надъ блѣдностью своихъ товарищей, безстыдно ругавшійся надъ непріятелемъ.

---

*) Тотъ не можетъ быть справедливымъ, кто боится смерти, страданья, ссылки и нищеты или кто противное этому предпочитаетъ справедливости (Цицеронъ о Дѣян. кн. II, гл. 9).

XXXII.

Высокое понятіе о жизни и твердость духа въ виду смерти.

Многія сочиненія о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка отличаются обширностью и блескомъ своего изложенія; я же хотѣлъ только предложить тебѣ, мой юный другъ, карманную книжку, которая бы въ краткихъ словахъ напоминала тебѣ о нихъ. Теперь прибавлю: бремя этихъ обязанностей не должно устрашать насъ; оно кажется несноснымъ для однихъ празднолюбцевъ. Будемъ только усердны и въ каждой обязанности откроемъ тайную прелесть, которая заставитъ насъ любить ее; почувствуемъ вліяніе дивной силы ея, которая будетъ усугублять нашу бодрость по мѣрѣ того, какъ мы будемъ всходить по трудной стезѣ добродѣтели. Нѣтъ сомнѣнія, мы увидимъ, что человѣкъ достоинствомъ своимъ гораздо выше, чѣмъ кажется, лишь бы только онъ хотѣлъ, и хотѣлъ рѣшитно, достигнуть высокой цѣли своего назначенія. Цѣль эта—очиститься отъ всѣхъ дурныхъ на клонностей упражнять, какъ можно болѣе, хорошія качества и, такимъ образомъ, возвыситься до вѣчнаго обладанія Богомъ.

Люби жизнь, но люби ее не изъ страсти къ низкимъ удовольствіямъ, не изъ пустыхъ видовъ честолюбія, а изъ того, что въ ней есть важнаго, великаго, божественнаго! Люби ее, какъ поприще заслугъ, пріятное Всемогущему Богу, славное для Него, славное и необходимое для насъ! Люби ее вопреки ея горестей и даже ради ихъ, потому что отъ нихъ получаетъ она свое благородство; отъ нихъ рождаются, растутъ и оплодотворяются въ человѣческомъ умѣ великодушныя мысли и великодушныя желанія!

Помни, что жизнь, которую ты долженъ цѣнить такъ высоко, дана тебѣ на короткое время. Не расточай ее въ излишнихъ забавахъ. Удѣляй веселію не болѣе, какъ сколько потребно для твоего здоровья и для утѣшенія другихъ. Или, лучше, находи свое веселіе въ благородныхъ дѣлахъ, т. е. въ служеніи съ великодушной братской любовью твоимъ ближнимъ и въ сыновней любви и покорности Богу.

И, наконецъ, любя такимъ образомъ жизнь, думай о смерти, которая тебя ожидаетъ. Скрывать отъ себя неизбѣжность смерти есть слабость, уменьшающая въ насъ ревность къ добру. Не ускоряй твоею

собственною виною этой торжественной минуты и не отдаляйся изъ одного малодушія. Подвергай опасности жизнь твою для спасенія ближняго, если это нужно, и болѣе всего для спасенія отечества. Какой бы родъ смерти ни ожидалъ тебя, будь готовъ принять ее съ благородной твердостью и освятить ее всею искренностью и всею силою твоей вѣры.

Исполняя всѣ сіи обязанности, ты будешь человѣкомъ и гражданиномъ въ самомъ высокомъ значеніи этихъ словъ, ты будешь полезенъ обществу и устроишь на вѣки собственное счастіе.

КОНЕЦЪ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1895 г.



VIII-й годъ изданія

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

VIII-й годъ изданія

Подписчики „СѢВЕРА" въ 1895 году получатъ:

52	№№ **прекрасно иллюстрированнаго** журнала въ 56—64 столбцовъ каждый, сброшюрованныхъ въ цвѣтную обложку, въ которыхъ, между прочимъ, будутъ помѣщены иллюстраціи русскихъ художниковъ къ произведеніямъ: **А. Н. Майкова** «Двѣ судьбы», **Д. В. Григоровича** «Петербургскіе шарманщики» и «Лотерейный билетъ», такъ какъ этимъ произведеніямъ исполняется въ будущемъ году 50 лѣтъ со дня ихъ перваго появленія въ печати.
12	№№ отдѣльныхъ иллюстрированныхъ **«ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» и рукодѣлій**, составленныхъ по лучшимъ моднымъ парижскимъ журналамъ.
12	отдѣльныхъ **выкроекъ**; изъ нихъ 6 вырѣзныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльныхъ листахъ.
6	**рисунковъ-чертежей** для любителей выпиловки изъ дерева, кости и металла.
6	**цвѣтныхъ узоровъ** для вышиванія.
12	**альбомныхъ** страницъ автографовъ знаменитыхъ русскихъ историческихъ и общественныхъ дѣятелей, со временъ княженія **Іоанна Калиты по настоящій 1894 годъ**: царей, царицъ, полководцевъ, патріарховъ, писателей, художниковъ и поэтовъ. Ежемѣсячныя приложенія.
1	РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ гравюръ-иллюстрацій къ русскимъ народнымъ сказкамъ (Книга въ форматѣ «Сѣвера»).
12	ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ КЪ ЖУРНАЛУ: „БИБЛІОТЕКА СѢВЕРА": СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Г. Р. ДЕРЖАВИНА. Въ продажѣ сочиненія Державина имѣются только изданія Академіи Наукъ (Цѣна 27 руб.) Сочиненія Н. Д. АХШАРУМОВА. **Двойникъ.** Повѣсть. **Во что бы то ни стало.** Романъ. **Мудреное дѣло.** Романъ. **Натурщица.** Повѣсть. **Игрокъ.** Повѣсть. **Граждане лѣса.** Повѣсть. Сочиненія Квитко Основьяненко: „ПАНЪ ХОЛЯВСКІЙ". Сочиненіе Сильвіо Пеллико: „*ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА*".

БЕЗПЛАТНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЖУРНАЛУ:

ПОРТРЕТЪ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ II.

Большой листъ in folio, исполненный красками.

Большая картина извѣстнаго художника В. И. Сурикова:

„ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ ЕРМАКОМЪ".

Битва Ермака подъ Кучумовымъ-Городищемъ съ сибирскими инородцами 26 октября 1583 г. Этотъ день считается началомъ присоединенія Сибирскаго Царства къ Россіи. Величина картины 105×70 сант.

ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ, въ краскахъ.

„БИБЛІОТЕКА ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ".

Кому не приходилось задавать себѣ вопросъ: «чего бы поѣсть» и какая изъ заботливыхъ хозяекъ не задавала себѣ вопроса: чѣмъ-бы накормить свою семью? Удовлетворяя этому вопросу, редакція журнала «Сѣверъ» выдаетъ своимъ подписчикамъ книгу:

ИНТЕРЕСЫ ЖЕЛУДКА.

За годовое изданіе со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . 6 р.	Безъ доставки въ Москвѣ — въ конторѣ Печковской 6 р. 50 к.	Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи . . . . 7 р. Съ пересылкою за-границу 12 р.

Въ виду большой цѣнности картины «Покореніе Сибири Ермакомъ» и портрета Государя Императора, требующихъ особо тщательной упаковки, гг. подписчики «Сѣвера» благоволятъ на пересылку таковыхъ прилагать 60 к. почт. марками.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Главной конторѣ редакціи „СѢВЕРЪ": Екатерининская, № 4.

12 ТОМОВЪ „БИБЛІОТЕКИ СѢВЕРА" И 1 ТОМЪ „БИБЛІОТЕКИ ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ".

2 ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЯ 1) ПОРТРЕТЪ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, 2) ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ ЕРМАКОМЪ.

За редактора Н. А. Александровъ. Издатель Н. Ѳ. Мертцъ.

Дозволено цензурою. Спб. 9 ноября 1895 г. Типографія Е. Евдокимова, Троицкая ул., № 18.